

Наталья Доманчук

сериал

КОМОН, СТЬЮПИД!

или Африканское сафари для дуры

18+

Наталия Доманчук

**Комон, стьюпид! Или
африканское сафари для дуры**

«Автор»

2008

Доманчук Н.

Комон, стьюпид! Или африканское сафари для дуры /

Н. Доманчук — «Автор», 2008

Действие этой романтической комедии происходит в Южной Африке, куда две героини приезжают в поисках кандидатов в мужа. Это романтическая комедия, которая заставит вас улыбаться, а иногда смеяться, ведь обе героини задорные, смелые и с кучей комплексов! Черета их романтических приключений, само собой, приведет обеих героинь к счастливому финалу. Главное достоинство книги – легкий стиль и юмор. Книга вышла в издательстве "Амфора", есть в бумажной версии, если погуглить, то выйдет много магазинов, где она продается. Я сама много лет прожила в Африке и именно благодаря этому мне удалось дополнить и разнообразить описание любовных походов достоверным и любопытным экзотическим колоритом.

© Доманчук Н., 2008

© Автор, 2008

Содержание

День первый	7
День пятый	15
День двенадцатый	17
День тринадцатый	20
День четырнадцатый	27
День пятнадцатый	34
День шестнадцатый	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Наталия Доманчук

Комон, стьюпид! Или африканское сафари для дуры

МОЯ ПЕРВАЯ ЖИЗНЬ

*Где я хотела бы родиться,
как я хотела бы прожить
и как я хотела бы умереть*

Родиться я бы хотела где-нибудь в Свазиленде. Черной маленькой девочкой. У девочек меньше проблем, чем у мальчиков (менструацию я переживу, уже привыкла).

Свазиленд – замечательная страна. Там есть король Мсвати Третий. Он каждый год женится на девственнице. Я бы отравила свою девственность и, когда мне исполнилось бы шестнадцать лет, надела бы тростниковую юбочку и станцевала так, чтоб король женился именно на мне.

Я бы получила от него в подарок «BMW» пятой модели и дворец в городе Мбабане.

Я бы родила ему трех сыновей: Чухрая, Мухрая и Кузю.

Прожила бы с ним в радости и согласии, и что там еще есть хорошего, до самой старости и умерла бы на пляже, под зонтиком в девяносто девять лет и два месяца от передозировки шоколада и русских пельменей.

*Где я родилась,
как я живу и как я умру*

Родилась я в городе Чертигде в душном декабре. Душный он был потому, что я лежала возле печки ровно год и два дня, пока мои бестолковые мама и папа набирались родительского опыта у маминой мамы, то есть моей бабушки. Унтер-офицер германской армии по сравнению с моей бабушкой был цветочком. Аленьким. Она специально к моему рождению сшила большую портянку, где-то метр на три, и каждый раз заматывала мои ноги, чтоб они были ровные-ровные. Да, они у меня сейчас ровные, но это не значит, что на них можно смотреть без содрогания.

Свою девственность много лет назад я подарила сокурснику, от которого не получила ни пятой модели, ни... ничего, короче, не получила.

У меня нет детей и уже никогда не будет.

Потому что сегодня я собираюсь умереть.

Как я это сделаю, я еще не решила. А вот почему – я вам сейчас быстренько, на две странички, расскажу.

Почему всего на две странички? Потому, что я хочу, чтоб мои родители выполнили мою последнюю просьбу: издали книгу, которую я сейчас пишу. И она будет всего на две странички. Может, тогда они попадут в Книгу рекордов Гиннесса и поставят мне красивый мраморный памятник, на котором будет написано: «Мы любили тебя больше, чем Дениса».

Денис – это мой брат, который живет в Африке. Но сейчас не об этом.

Сначала я хочу авторитетно заявить, что жизнь – дерьмо.

Может, конечно, чья-то и не дерьмо, а малина, но моя...

Мне тридцать. С хвостиком. Не с огромным хвостом, а таким средненьким. А что в моей жизни было прекрасного?

Да ничего не было.

Вот я, например, не верю в Дедов Морозов, но почему-то, когда они проходят мимо со своими огромными мешками подарков, мне очень хочется заглянуть в мешок.

Или вот тот факт, что я не верю в чудеса. Ну не бывает их на свете!!! А я каждый год 31 декабря, когда бьют эти ужасные куранты, загадываю желания, которые никогда не исполняются. И ладно если бы я действительно загадывала что-то неисполнимое, типа: «Хочу из толстой брюнетки превратиться в длинноногую стройную блондинку». Я же смотрю на жизнь реально. Я понимаю, что это невозможно. В последнюю новогоднюю ночь я загадала такое желание: «В этом году я хочу выйти замуж за человека, который не будет пердеть в постели и не будет разбрасывать свои вонючие носки».

Ну что в этом желании такого чудесатого? Самое нормальное, можно сказать рядовое, желание женщины, которой тридцать. С хвостиком. С небольшим.

Еще я влюблена в актера Владимира Машкова. У меня на стене висит постер с его портретом, и я общаюсь с ним как с мужем: «Доброе утро, дорогой, что тебе сегодня снилось?»

Да, я знаю, что он бабник. Но какой замечательный бабник!

Да, он был женат четыре раза. Но почему бы ему не жениться и в пятый, уже последний раз? На мне.

Последние три с половиной года я жила с человеком, который носил отвратительное имя – Эдуард.

Только за одно это имя его надо было убить в детстве, но его не только не убили – его вырастили на горе всем женщинам.

Да, этот Эдуард – писанный красавец. И да, представьте себе, он целых три года принадлежал мне. И вот буквально пару часов назад он надел на свою упругую розовую попку джинсы, собрал все свои вещи, мои диски и, сказав: «Наши отношения исчерпали себя», ушел в неизвестность.

Поэтому дальнейшая жизнь для меня потеряла всякий смысл, и я прощаюсь с вами, мои дорогие, еще не успевшие стать друзьями, товарищи.

МОЯ ВТОРАЯ ЖИЗНЬ

День первый

Сюрприз! Я в самолете. Лечу в Африку. И не померла, как видите. Хотя сказать точно, что я живу или буду жить, – нельзя. Потому что настроения нет, жизнь по-прежнему – тазик фекалий, Африку я ненавижу, эту подлую сволочь по имени Эдуард даже при огромном желании простить и принять назад я уже не смогу. И еще я очень зла на себя. За то, что подчинилась родителям и села в этот самолет, и за то, что у меня есть старший брат, к которому я не испытываю большой и чистой любви...

Он намного старше меня. Когда я только пошла в школу, он ее закончил и ушел в большую жизнь, потом он появился в нашем доме, познакомил с какой-то кикиморой, а потом и вовсе улетел в ЮАР. У него родились дети, то есть мои племянники, а я их видела всего несколько раз: пару раз он прилетал со всем семейством на родину. Примерно года три назад, когда мой роман с Эдиком был в самом разгаре, он предложил мне приехать в Африку, чтобы оформить ПМЖ. На всякий случай. Так он сказал. И вот этот случай как раз настал. Я уже имею вид на жительство в ЮАР. Кстати, надо будет узнать, есть ли у них в Конституции статья о соращении черного населения...

Моего брата, как я уже упоминала, зовут Денис. Ему больше сорока. Он женат на курице по имени Инга. У них двое детей: Ирина и Алексей. Ире – шестнадцать, Леше – пять.

Дети, к счастью, не похожи на своих родителей. И меня это очень радует, хотя брат очень огорчается: он считает, что его дочь чем-то похожа на меня: такая же взбалмошная, несерьезная и слишком много внимания уделяет противоположному полу.

Встречать меня в аэропорт они наверняка заявятся всей семьей.

Конечно, у меня есть еще надежда на то, что:

1. Самолет захватят террористы и угонят его на какие-нибудь экзотические острова, где мужчины все сплошные качки и ходят без одежды. Ну или просто опоясаны полотенцем. У них у всех голубые глаза и кудрявые черные волосы (и на ногах, и на теле). Люблю я волосатых мужчин... Так, что-то я увлеклась...

2. Можно застрелиться где-то в районе паспортного контроля, если все-таки этот самолет не захватят террористы. Но у меня нет пистолета. Увы.

3. Можно еще снять со своих толстых ног чулки и один из них надеть на голову. Но боюсь, что жена моего братца все равно узнает меня. У нее нюх как у овчарки, а глаз как у орла.

Инга чуть-чуть старше меня.

Высокая худая шпала. Я всегда ненавидела таких женщин. И всегда задавала себе вопрос: почему, ну почему они такие худые, а я такая толстая? Мама говорит, что, даже если я объявлю голодовку и целый год ничего не буду есть, все равно останусь такой: толстой и целлюлитной.

И еще она говорит, что все дело в породе. Но я с этим не согласна. Я ведь не собака. И даже не кошка.

Хотя с лошастью у меня определенно что-то общее есть.

Зубы, наверное. Да и поржать я люблю.

Еще у Инги два высших образования, и она слывет в нашей семье самой умной.

А я самой душой.

Самолет летит.

Жизнь дерьмо.

Лягу посплю.

День второй

Историческая встреча в аэропорту состоялась.

– Ах, Ларочка, я так рада тебя видеть! – Это жена брата изображает из себя приличную леди. – Мы так по тебе соскучились, – продолжает она кривляться и хлопать длинными ресницами.

Киваю в ответ на приветствие, растягиваю рот в дурацкой улыбке.

Брат хмурится и целует меня в лоб.

Он очень серьезный. Даже противно.

Ну да, я знаю, что в семье не без урода, и этот урод явно я, но когда я вижу брата, вечно серьезного, сосредоточенного и целеустремленного, то понимаю, что в семье иногда может быть не один урод, а целых два.

А вот его жена Инга – полная ему противоположность: довольно веселое и бесшабашное существо.

Вообще я заметила, что все женщины делятся только на две категории: дура и умная.

Я отношусь, естественно, к дурам. Но меня это не сильно огорчает.

Так легче жить. Так я нахожусь очень близко к народу.

А Инга – она совсем другая.

У нее два образования, при этом она отлично справляется с ролью мамы, ведет домашнее хозяйство и во всем подчиняется мужу.

Тут нужны не просто мозги, а мегамозги.

Их дочь пошла не в Ингу. А в меня. Мозгами. Так говорит брат, и очень по этому поводу огорчается.

У Иры очень красивые голубые глаза от папы, темные волосы от мамы, ну и мозги, как я уже сообщала, от меня.

Мне бы такое тело, такие глаза, да с моим сегодняшним жизненным опытом... не только Машков бы валялся у моих ног. Сам принц Уэльсский присылал бы карету к моему дому.

Младшенький их сынулик – Лешка – такое же чудесное существо, но он уже смотрит на мир глазами папы. Вполне сносный мальчишка. Однако в аэропорту он уже успел выделиться:

– Лара, я тебя знаю. Ты моя тетя. И еще у тебя мозги как у кролика. Я так люблю кроликов...

Брат с женой покраснели и дали ему подзатыльник.

Я не хотела устраивать в аэропорту истерику и сделала вид, что не поняла детского лепета. Но все обиды решила записывать и потом показать этот список нашим родителям, чтоб они знали, что тем самым уродом в семье являюсь не я.

Йоханнесбург – самый большой город в ЮАР. Из аэропорта мы ехали на машине мимо промышленной зоны, и никаких умопомрачительных пейзажей я не увидела. Я сидела на заднем сиденье автомобиля, смотрела в окно, в голове у меня крутилось слово «Африка» и связанные с ним ассоциации: крокодилы-бегемоты, обезьяны-кашелоты, реки вот такой ширины, горы ого-гой вышины, дремлющий на пальме попугай, куча золота – бери не хочу, а также черное население в набедренных повязках, которое охотится на белых жителей.

Не заметив ничего похожего, я даже возмутилась:

– А где пальмы?

– Ты думаешь, они сами по себе растут? – спросила у меня Инга.

Я пожала плечами.

– Нет, их выращивают люди.

Пальмы я увидела только тогда, когда мы въехали в жилую зону.

В доме брата мне выделили комнату с видом на бассейн.

И даже после этого мое отношение к жизни не улучшилось.

Теперь стоит рассказать, что мой брат очень богат. Ну он, конечно, не миллионер, хотя скажу честно: я не знаю...

Приехав сюда, он первое время работал инженером в какой-то горнодобывающей компании. Потом оставил работу и уехал в город Кимберли добывать алмазы. Там у него тоже шло не все гладко, и он переключился на фермерство.

Сначала у брата была одна ферма, потом он немного раскрутился и купил еще одну, а сейчас у него их более двух десятков.

Он выращивает крупный рогатый скот, а потом сдает на мясо.

У него огромный дом, с садом и бассейном.

Вообще, иметь тут дом с бассейном не большая роскошь, потому что любой белый житель, если не поленился получить образование, может себе это позволить. Ну а если в семье работают двое, так они точно будут жить, как вареники в сметане.

Кроме этого дома у Дениса еще есть недвижимость. Кажется, в Йоханнесбурге и еще где-то на берегу Индийского океана.

Поэтому, как только я стала разбирать свои чемоданы, он меня остановил и предложил переехать в другой дом, который сейчас пустует. Если, конечно, я хочу. И сказал, что для устройства моей личной жизни это как раз то, что нужно.

Также обещал выделять мне деньги на еду и одежду и даже обещал купить машину. Как только я получу права.

Еще брат посоветовал начать поиск работы по специальности.

Я спросила разрешения позвонить моей подруге Аньке, которую он хорошо знает, и пригласить ее сюда. Денис задумался и потом сказал, что это отличная идея, потому что с ней я не буду скучать.

После обеда Инга с детьми поехала по магазинам, а я позвонила Аньке.

– Ань, если ты мне друг, а не подлая жопа Чапаева, ты приедешь ко мне!

– Ларик, я же работаю!!!

– Работать можно и тут. Я погибаю, ты понимаешь это? Я чувствую себя как увядший цветок, на который вот-вот должен опуститься огромный кирзовый сапог.

– Не преувеличивай! Твой брат никогда не носил такую обувь. Он даже в армии не служил.

– Он – нет. А его жена – родная внучка Геббельса. И сапожки у нее остались от дедушки со времен Великой Отечественной.

– Ларик, я не могу все бросить!

– Если ты не приедешь – я умру. Я тут пару часов, но мне уже хочется пойти и отравиться.

– Таблетками для похудения?

– Не сыпь мне соль на диету, вредина. Так когда ты прилетишь?

– Да что я там потеряла? Ты сама мне говорила тысячу раз, что страна – дерьмо, что вокруг только одни черные рожи...

– Моя жизнь – дерьмо! И если ты не прилетишь завтра же, – сказала я громко и стукнула рукой по столу, – я... Ну, Ань, ты же писатель... Какая тебе разница, где писать свои глупые романы? Привези с собой ноутбук и пиши здесь. Я создам для тебя все условия. Я только что говорила с братом. Он выделил нам трехэтажный дом с бассейном, и ты можешь хоть целыми сутками сидеть и кропать романчики. Я даже обещаю готовить для тебя!

– Вот этого не надо! Даже не обещай. А билет на самолет твой брат оплатит?

– Ну уж раскошешься на это сама. Ты же не беднячка какая-то. Мне стыдно просить у брата. Я вот даже подумываю устроиться на работу. Специальность-то у меня есть, в конце концов.

– Каких концов? Твоей шикарной зарплаты всегда хватало только на прокладки!

– А может, я всю жизнь откладывала! И вообще, не учите меня жить. Тебе предоставляется возможность спасти свою подругу. Ты собираешься это сделать или нет?

– А виза?

– Открой пока туристическую на три месяца, а потом будет видно.

– Хорошо, – прозвучало в трубке, и я с облегчением вздохнула.

Моя лучшая подруга Анька Сидорова – писательница. Она взяла себе очень красивый псевдоним Анни Молли и издала целых три романа.

В этом ей помог ее последний любовник Альберт, очень богатый и солидный человек с одним маленьким недостатком – женой.

Анька боролась за него до последнего, ноузы Гименя оказались на удивление прочными.

Конечно, когда написаны уже три книги, работать легче. Поэтому Анька очень надеется, что роман, над которым она сейчас трудится, произведет настоящий фурор. Ну или его хотя бы заметят.

Анька – настоящий друг.

Мы родились с ней в одном роддоме, ходили вместе в один детский садик, учились в одном классе, жили в одном подъезде: я на третьем, она на шестом этаже. Мы вместе мечтали.

Какое-то время она мечтала стать водителем троллейбуса: когда на улице холодно, люди стоят и мерзнут, а потом – опа! – видят троллейбус, то это очень приятно. И им, и тебе. А я ее очень долго отговаривала и убеждала, что мусорщиком стать намного полезней.

Потом мы мечтали стать учительницами. Анька мечтала пассивно, а я активно.

Повлияла на нас первая учительница – Наталья Петровна.

Однажды, когда родителей не было дома, я пришла из школы и под впечатлением от таланта любимого педагога решила устроить репетицию: соорудила подобие башни на голове, приколола мамину заколку, подвела глаза и накрасила губы. Вместо указки я взяла в руку ножку от поломанной табуретки.

– Закрыли все рты!!! – закричала я и треснула «указкой» по столу. – Вы что, думаете, вам все позволено? А ну, кто тут у нас самый умный, пошел к доске! Быстро!

Через пару недель репетиций мой запал стать учительницей прошел.

И больше никогда не появлялся.

На смену одной мечте пришла другая: стать писательницей.

У Аньки получилось. И поступить в нужный институт, и закончить его. У меня тоже получилось. Только не совсем то, о чем я мечтала. Когда я провалила экзамен по литературе в университет, в мою судьбу вмешался брат и устроил в политехнический. Сначала планировалось, что я стану программистом. Брат, как всегда, смотрел вперед и видел, что скоро эта профессия станет очень нужной. Но я сдала экзамены на одни тройки, и мне предложили факультет, где было всего 0,05 человека на место: там готовили инженеров-механиков.

После окончания вуза я устроилась в проектный институт и рисовала электрические машины в разрезе и с разных боков.

Очень романтично.

Я вообще заметила, что в моей жизни все через заднее место.

Там же находится и мое писательство.

А ведь я вполне сносно умею составлять буквы в слова, слова в предложения, а предложения в симпатичный рассказик.

Хотя успехи мои невелики. Так говорит мой учитель – Анька Сидорова.

Чип

У меня поломался телефон. Вместо привычного «ту» в трубке слышалось «кхе-кхе», а мне очень нужно было позвонить. Дело было в том, что в киоске я увидела газету «Все, что тебе нужно», где на главной странице красовалась шикарная брюнетка, обвешанная подарочными коробками в оберточной бумаге.

Я не люблю подарки. Да и брюнетка мне не понравилась – у меня с ориентацией все в порядке, но я все равно зачем-то полезла в сумочку, достала деньги и купила газету. На второй странице я нашла рубрику «Объявления» и увидела: «Если вам кажется, что вы недостаточно умны – приходите к нам. Один чип, вживляемый за ухо, сделает вас неповторимым рассказчиком, интеллектуалом или... именно тем, кем вы всегда мечтали стать». Поэтому я пошла позвонить к своей соседке и лучшей подруге Юльке. У нее тоже оказалось не все в порядке с мозгами, да настолько, что всю инициативу по поиску заветной информации она взяла на себя. О цене по телефону ничего говорить не хотели, но разве цена смогла бы остановить двух безмозглых девиц?

Итак, адрес был у нас в руках, а встреча назначена на следующий день в двенадцать ноль-ноль.

Мы пришли вовремя. Офис был достаточно солидным. Очень уютная комната ожидания, чай-кофе на выбор, красивые глянцевые журналы, и вот к нам выходит мужчина и приглашает в свой кабинет. Дорогой костюм, лаковые остроносые туфли... все говорило о том, что он неплохо зарабатывает. Итак, разговор начал именно он:

– Присаживайтесь, пожалуйста, и давайте знакомиться. Меня зовут Анатолий Ефремович.

Я тихонько хихикнула и очень хотела протянуть руку и сказать: «Людмила Прокофьевна», но удержалась, потому что Юлька на меня очень строго посмотрела, даже шикнула, но потом переменилась в лице и, протянув руку, сказала:

– Юлиана. Но можно просто Юля.

Я опять хихикнула. Надо же! Всю жизнь была Юлькой, а теперь она стала Юлианой. Анатолий Ефремович пожал ей руку, улыбнулся и посмотрел на меня.

– Людмила. Но можно просто Люда, – подражая подруге, с той же интонацией произнесла я и была одарена Юлькиной не самой приятной улыбкой.

– Очень рад познакомиться с вами, милые барышни. Итак, чем могу быть полезен? Какой именно чип вы бы хотели иметь?

Юлька вся встрепенулась, заерзала на стуле и сказала:

– Мне ума не надо. У меня его предостаточно. Я бы хотела юмор, сексуальность, чувственность, внутреннюю красоту и еще, знаете, – она посмотрела на Анатолия Ефремовича и прищурилась, – мне бы хотелось иметь этакую... поволоку в глазах. Ну, вы меня понимаете, да? – и она опять прищурилась.

– С юмором проблем нет. А вот с сексуальностью, чувственностью и поволокой я вам вряд ли помогу.

Юлька смотрела на него с открытым непониманием.

– Как это не поможет? Зачем тогда объявление в газету даете? – обиженным голосом спросила она.

– Как вы себе представляете запись на чип сексуальности?

– Ну а как вы записываете юмор? – не сдавалась Юлька.

– Юмор? Очень просто. У нас есть неплохая подборка анекдотов, всякие юмористические статьи, кроме того, можно записать около сотни выступлений эстрадных комиков, разные остроумные высказывания и многое другое – интересное и смешное. А вот сексуальность...

ее на чип не перекачаешь. Она должна быть врожденной. Хотя честно говоря, я не понимаю, зачем вам по этому поводу беспокоиться, – она и так у вас присутствует.

– И поволока тоже есть? – обрадовалась Юлька.

Мне очень хотелось сказать ей, что у нее есть не поволока, а только одна проволока, на которой держатся уши, но Анатолий Ефремович, видимо, так не думал, потому что он вдруг взял ее за руку и сказал:

– Ну конечно! Юлиана, вы – душка.

Но душка не собиралась сдаваться и выпалила, что может принести статьи из журналов, как стать обаятельной и совратить любого мужчину, и попросила Анатолия Ефремовича просто записать эту информацию на чип.

Потом душка расплылась в идиотской улыбке, захлопала своими крашеными ресницами и спросила:

– Ну, мы договорились, да?

Дядечка кивнул и поцеловал ей ручку.

Я почувствовала себя третьей лишней, но решила не сдаваться.

– Анатолий Ефремович, давайте тогда приступим к моему образу.

Анатолий Ефремович кивнул и этим дал мне знать, что внимательно слушает.

– Итак, – начала я. – Юмор – это, конечно, очень хорошо, но я сначала хочу спросить вас, сколько гигабайт он занимает на чипе?

Анатолий Ефремович оживился, понимая, что сейчас ему предстоит вести беседу с профессионалом, и, заглянув в папочку, которая лежала на столе, ответил:

– Около десяти. Если не включать песни.

Я махнула рукой: дескать, кому нужны эти песни, – и спросила:

– А сколько помещается на чип?

– Около ста.

– У! Так это шикарно! – присвистнула я. – Значит, давайте составим смету. Итак, я хочу: английский язык – там много не будет, десять гигабайт максимум.

Анатолий Ефремович кивнул.

– Ах, гулять так гулять, записывайте заодно французский, итальянский, испанский...

– ...Японский сейчас очень модный, – решила включиться в мою смету Юлька, но я с такой поволокой на нее посмотрела, что она опустила голову и замолчала.

– ...китайский и арабский! – закончила я. Итого шесть языков – шестьдесят гигабайт наберется. Потом я бы хотела мировую историю, русскую литературу и географию, которую не выучила в школе, может быть, еще десяток научных статей, я, видите ли, в этом году собираюсь писать диссертацию... Сколько места еще остается?

– Примерно десять гигабайт, – ответил Анатолий Ефремович

– Ну тогда и юмор давайте. Я без чувства юмора с таким чемоданом ума буду смотреться, как...

– ...как корова на льду, – закончила за меня фразу Юлька.

– Да... – Анатолий Ефремович посмотрел на Юльку и, видимо, хотел сказать, что ей действительно не помешает чувство юмора, но промолчал.

Тут я вдруг вспомнила, что о цене мы еще не говорили, и немного напряглась. Анатолий Ефремович это почувствовал и начал первый:

– Ну а теперь поговорим о цене, – сказал он и назвал цену новенькой иномарки.

– Да вы с ума сошли, Анатолий, – прищурилась Юлька. – Где мы вам такие деньги найдем? – Но потом, немного подумав, добавила: – А в кредит никак нельзя?

– Ну почему нельзя? Можно. Конечно можно.

Тут оживилась я, мы обсудили с Анатолием Ефремовичем все детали и договорились встретиться через три дня, чтоб вживить чип и подписать договор.

Юлька все эти три дня ныла и пыталась меня убедить, что этот мужчина шарлатан, что мы не должны ему доверять, что она очень жалеет, что вообще затеяла все это, так как и юмора, и сексуальности у нее сверх нормы... Но через три дня, незадолго до назначенного часа X, она была в моей квартире и торопила меня:

– Давай уже. Скорей! Мы опоздаем.

– Что, тебе не терпится стать чувственной? – шутила я.

Но она только нервничала и крутилась у зеркала.

Все документы мы подписали перед операцией. Чип нам вживили под общим наркозом, и он оказался совсем не таким, каким я его себе представляла. Он был меньше, чем серная шпатель на спичке.

Проснулась я, когда за окном было темно. У меня ужасно болела голова, просто раскалывалась. А Юлька сидела в кресле и пила кофе.

– Ну ты и соня. Я уже час как проснулась. Ну как? Парле ву франсе? – спросила она.

– Уи, – ответила я и дотронулась до головы.

– Вас что-то беспокоит? Как вы себя чувствуете? – спросил Анатолий Ефремович.

– Голова болит.

– Может быть, просто от обилия новой информации. Такое бывало.

– Пустая была твоя голова. Теперь придется привыкать мозги носить, – сказала Юлька, подошла ко мне и стала поправлять мою прическу.

– Слушай, ты такая лохматая! Прямо чудо в перьях!

– Чудо в перьях – это у петуха, – спохватилась я, сама не понимая, что говорю.

– Ах! Я тоже эту шутку знаю! – удивилась Юлька и спросила у Анатолия Ефремовича: – Толик, а ты что, нам одну и ту же информацию по юмору поместил?

Толик покраснел.

Мне вдруг очень захотелось домой.

Анатолий Ефремович помог мне встать, вызвал для нас такси, и уже через час мы с Юлькой были у меня.

Юлька включила чайник. Я достала печенье.

– Все это, конечно, хорошо, я действительно чувствую себя и сексуальной, и чувственной, и... какой я там еще должна быть?

– С внутренней красотой и поволокой в глазах.

– Да, точно. Вот посмотри, как тебе мой взгляд?

И Юлька на меня посмотрела так загадочно, так проникновенно и искренне, что я не удержалась:

– Супер!

– Да? – обрадовалась Юлька. – А я думала – не действует, – но потом опять стихла и грустным голосом добавила: – Очень надеюсь, что наши с тобой сегодняшние приключения оправдают себя и я не буду платить за эту поволоку половину моей зарплаты в течение десяти лет. Я обязательно найду себе какого-нибудь прохиндея, который оплатит мой сегодняшний каприз.

– Расслабься, – сказала я и выложила перед ней увесистую книгу. – Вот посмотри: «Как добиться от оппонента того, что вам нужно», другими словами, «Как облапошить мужика, которому вы должны деньги». Содержание этого фолианта и еще десятка на ту же тему сегодня благополучно были записаны на мой чип. Могу все наизусть рассказать. Кроме того, я точно знаю, вернее чувствую, как это все можно сделать. Но, – сказала я и подняла указательный палец вверх, – без твоей помощи, вернее без твоего проникательного и чувственного, с поволокой, взгляда, я вряд ли справлюсь. Тут кроме стратегии должно быть обаяние.

– Ах ты авантюристка! Я тебя обожаю!!! Когда приступим? – обрадовалась Юлька и принялась меня обнимать.

– Be patient! – ответила я, и она посмотрела на меня с таким уважением, что я даже не заметила в ее взгляде поволоку, которая вот уже десять минут не давала мне спокойно пить чай.

День пятый

Анька получила визу и прилетит через неделю. Дышать становится легче.

Жизнь в семье брата вполне сносна, но разве к такой жизни я стремлюсь?

Как там у Островского? Жизнь человеку дается только один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за прожитые годы.

А мой хвостик, небольшой, который к тридцатнику прикреплен, говорит только о том, что я еще на этом свете – младенец.

Вот сколько у меня было мужчин?

Очень мало. Даже считать стыдно. Они на одной руке уместятся, да и места еще навалом останется.

И что я получила от них?

Ни-че-го!

Ах да, я все забываю, что чудес на свете не бывает...

Жду не дождусь Аньку, чтоб прошвырнуться по пабам и барам в поисках сексуального отморозка.

И еще. Я приняла решение: следующий мужчина, которого я заинтересую, сначала получит от меня все инструкции по эксплуатации женщины, распишется, что полностью с ними согласен, и только тогда будет допущен к моему сердцу.

А инструкции следующие:

1. Женщина всегда права.
2. Если кто-то не согласен – он идиот.
3. Если согласен – подруга.
4. Туфли – это не роскошь, а необходимость! Ну и что, что их много? Женщине НЕОБХОДИМО именно СТОЛЬКО. Хотя, пожалуй... еще СТОЛЬКО ЖЕ не помешает.
5. Сумочки тоже не роскошь.
6. Сапоги тоже.
7. Нижнее белье тоже, естественно!
8. Женской логики нет. Ее выдумали глупые, бездушные идиоты. Есть только тонкая женская душа. Кому этого не понять – идиот.
9. Футбол – зло.
10. «Формула один» – большое зло.
11. И вообще спорт – самое большое зло на свете
12. Бриллианты – лучшее вложение денег.
13. Недвижимость – тоже. Только под недвижимостью подразумевается не маленькая однокомнатная квартира, а дом с видом на океан.
14. Целлюлита нет.
15. Есть дорогие и необходимые средства от него, в которых женщина очень нуждается.
16. ПМС придумали мужчины: легче все списать на физиологию, чем попытаться понять женщину.
17. На вопрос «Как я выгляжу?» правильный ответ: «Ты самая красивая в мире», а не «Угу, я уже тоже готов. Пойдем?»
18. На вопрос «Что мы будем сегодня есть?» правильный ответ: «Давай пойдем в ресторан, дорогая», а не «Я бы не отказался от отбивной с грибным соусом и картошечкой... мням-мням...»

19. На просьбу «У меня болит голова, давай спать» правильный ответ: «Да, дорогая. Как скажешь», а не «Может, анальгинчику?»

20. Мужчина создан, чтобы зарабатывать деньги.

21. Женщина – чтобы их тратить.

22. Женщина – очень тонкая натура, и ее можно легко ранить. Например, фразой «Ты не права», поэтому во избежание недоразумений смотри пункт 1.

Утром брат предложил поехать в Sun City – «Город солнца».

Выехав из Йоханнесбурга, мы оказались в сухой каменистой пустыне, поросшей низким кустарником. Но примерно после двухчасовой езды мы очутились в зеленом оазисе, который иначе как сказочным не назовешь. Руками талантливых архитекторов, художников, строителей и декораторов посреди пустыни на территории около ста пятидесяти квадратных километров созданы искусственные горы и тропические леса, озера и водные аттракционы, великолепные отели и гольф-клубы.

Это оазис удовольствий, город казино, концертных залов, кинотеатров, ресторанов – город, который не спит двадцать четыре часа в сутки.

В самом центре расположено казино. Мы с Ирой даже попытались счастья, потратив около ста рандов, но, конечно же, ничего не выиграли. Когда мы проходили через мост Времени, обрамленный скульптурами слонов, началось искусственное землетрясение. Мы сфотографировались на мосту, у фонтанов и направились в «Долину волн». Это один из самых удивительных аквапарков мира, где можно заниматься даже серфингом на искусственных волнах. Лешка с Денисом загорали на солнышке, а мы с Ингой и Ирой лежали на больших кругах и качались на волнах. Потом мы все вместе катались на водяных горках. Самая страшная из них была закрытая, как туннель. Я верещала и радовалась аттракциону, как ребенок.

Потом Ира предложила мне сходить на экскурсию в Palace of Lost City («Дворец потерянного города») – один из лучших отелей мира. На входе был пропускной пункт, и нас попросили показать гостевые карточки. Ира ничуть не растерялась и сказала, что мы их забыли на пляже, у своих мужчин, и в отель нам нужно всего на часок. Естественно, нам поверили и пропустили. Скажу честно: такой красоты я еще не видела. Интерьер отделан мозаикой, фресками, поражает своей фантастической роскошью и выглядит как совершенное воплощение мечты. Инкрустированное дерево, дорогие восточные ковры, пальмы, фарфор, резная мебель ручной работы... Отель сверкает под африканским солнцем словно бриллиант в окружении пышных тропических лесов, поражая богатством дизайна. Мы проскользнули мимо охранников и покатались на лифте. Ира все время зевала, изображая из себя королеву, да и я с удовольствием пыталась представить себя царственной особой. После этого мы искупались в бассейне, а на обед все вместе пошли на крокодиловую ферму и отведали стейк из крокодила.

Путешествие удалось. Заснула я счастливой.

День двенадцатый

Завтра прилетает Анька!

Мы с Ингой поедем ее встречать.

Инга очень довольна Анькиным приездом и с удовольствием играет роль моей подружки.

Я уже перевезла свои вещи в дом, где мы с Анькой будем жить. Дом оказался очень уютным. Большой просторный холл, гостиная с камином, столовая, кабинет, четыре спальни.

Инга обещала навещать нас в гости.

На самом деле она не такая уж и ужасная.

Особенно когда улыбается и говорит: «Лора, ну мы же с тобой почти сестры».

Очень хочется сказать «Да в гробу я видала такую сестру», но я только улыбаюсь и киваю в ответ.

А теперь о любви. Я вот тут подумала... ну что в этом Машкове такого? Ну, сексапильный, да. Но таких же очень много...

Почему бы мне не забыть его и не переключиться на кого-нибудь, кто находится рядом.

Ну, понятно, что сейчас пока никого нет, но уже очень скоро приедет Анька, и мы все наверстаем.

Кстати, дочка брата мне очень понравилась.

Сначала она осторожно поинтересовалась, сколько у меня было мужчин. Когда узнала, что я не веду учет, очень удивилась и протянула свой блокнотик. Страница была разделена на четыре колонки: «Имя», «Целуется», «Говорит» и «Сколько раз».

Первым в списке значился некий Эштан.

В графе «Целуется» стояли три восклицательных знака, в графе «Говорит» было написано «Не умеет», а в графе «Сколько раз» – 4.

В списке еще были Ричард, Бэн, Жак, Гарри и Роберт.

– Всего шесть? – спросила я.

– Да, я начала вести этот дневник только месяц назад, – объяснила племянница. – Кстати, это правда, что я на тебя похожа? Ты была такой же? – и она кивнула на блокнотик.

– Нет. Я таких журналов не вела... А «Сколько раз» – это имеется в виду... – тут я даже покраснела, но племянка меня успокоила:

– Это сколько раз целовались.

– А! – выдохнула я с облегчением. – Понятно! А графа «Говорит» что означает?

– Это красивые слова, всякие глупости, которые парни шепчут на ушко.

– Я смотрю, что Роберт тут просто герой.

Напротив имени Роберта в графе «Говорит» было красиво выведено: «WAW!!!»

– О да! Это такой болтун! – И она откинулась на спинку кресла, закатила глазки, но потом вдруг поднялась и спросила: – А первый раз действительно больно?

Я облегченно вздохнула и поняла, что придется провести с ней беседу на тему «Не надо спешить, это от тебя никуда не уйдет».

Живут же люди...

Я – дура. Ну, в смысле, очень глупая. По вечерам, когда я молюсь Богу и рассказываю ему о прошедшем дне, я слышу хохот. Сверху. Это он смеется надо мной. Вернее, над моей логикой. Которой нет. А иногда я чувствую, как он закрывает лицо руками и почти про себя шепчет: «Как же я забыл выдать ей мозги!»

Но меня это ничуть не огорчает. Живут же люди и без других необходимых органов!

Может, мне так просто, потому что я оптимистка – верю только во все хорошее и стремлюсь к нему.

Еще я постоянно провожу наблюдения и опросы. Вот, например, исходя из последних моих исследований, могу вам сообщить, что в 60 процентах семей жена умная – муж полный балбес; в 30 процентах – жена «красавица Фиона» – муж а-ля богатый Карлсон (в меру упитанный мужчина, в полном расцвете сил, с небольшой котомкой мозгов и сбережений над или под пропеллером). Остальные 10 процентов делятся на подгруппы:

3 процента: муж тупой – жена еще тупее;

3 процента: жена тупая – муж еще тупее;

3 процента: муж и жена тупые – дальше некуда;

и еще 1 процент – все остальные, и самое интересное, что именно этот 1 процент и живет в браке лучше всех, и определить соотношение ума и дури здесь почему-то невозможно.

Я очень хочу замуж. Не столько для того, чтобы каждое утро у меня под боком храпело какое-нибудь глупое недоразумение, но просто уж очень хочется хоть с кем-то делить свои огорчения и неудачи, строить планы и видеть, как они разрушаются. Только я четко понимаю, что я ни под 60 процентов, ни под 30 процентов никак не подхожу, потому что красоты во мне ровно столько, сколько мозгов у белого кролика, поэтому и ищу свою половинку среди неудачников.

Город у нас небольшой. Но на город жаловаться не буду, потому что я его люблю. Еще я очень люблю городскую газету «Комета». Именно там я и ищу свою половинку. Только не в разделе «Знакомства», а в рубрике «С миру по нитке».

В последнем номере меня очень заинтересовало одно объявление: «Бедный, несчастный, глупый мужчина очень нуждается в женщине, которая его поймет и полюбит таким, какой он есть. Кирилл». Не медля ни минуты, я позвонила.

– Здравствуйте, вы Кирилл?

– Да. А как зовут вас?

– Я – Маша. Стеблова...

– Расскажите о себе. У вас очень милый голос.

Я разволновалась, кашлянула, прикрыв трубку ладонью, и, придавая своему голосу гламурную интонацию, выдала о себе все правду:

– Я родилась тридцать пять лет назад, закончила школу, потом институт по специальности «Электрические машины» и работаю на теплоэлектростанции инженером-механиком.

– Вам нравится ваша работа? – спросили в трубке.

Я посмотрела по сторонам и тихо сказала:

– Ненавижу!

Кирилл молчал. Я сразу подумала, что, может, не стоило так быстро открывать ему все карты на мою непутевую жизнь, как в трубке вздохнули, и я услышала:

– Как я вас понимаю....

Или от того, что меня поняли, почти впервые за последние три с половиной десятка лет, или от того, что голос Кирилла был настолько приятным, я, сама не веря своей храбрости, предложила:

– А давайте встретимся.

Трубка опять задумалась. Потом произнесла:

– Я страшный.

– Я еще страшней, – быстро ответила я.

– Я глупый.

– Я еще глупей.

– Я самый несчастный человек на свете!!!

– Это очень спорный вопрос, Кирилл, уверена, что я и здесь составлю вам конкуренцию...

– У памятника Пушкину. Завтра. В семнадцать ноль-ноль.

– Договорились.

Вот так, ровно в семнадцать ноль-ноль я увидела его.

Он стоял, опершись на железобетонное тело Александра Сергеевича, и теребил в руках какую-то газетку.

– Здравствуйте, Кирилл, – я подошла к нему, протянула руку и заглянула в его глаза.

Они были грустные и несчастные.

– Здравствуйте, – ответил Кирилл и вздохнул: – Вы просто красавица!

– Вы тоже, – так же, как и он, соврала я. – Куда пойдем?

– У меня нет денег на кофе, платить вам я не позволю. Пойдемте просто в парк, прогуляемся, – предложил Кирилл.

– Ну, пойдемте... и расскажите мне о себе.

– Ой, ну что вам рассказать? – вздохнул Кирилл и поднял глаза к небу.

– Ну, чем вы занимаетесь? Что любите?

– Я люблю добрых и отзывчивых людей. Таких, как вы.

Погуляв в парке еще около получаса, обсудив с Кириллом взгляды на жизнь и вегетарианское питание, я предложила встретиться завтра и, сославшись на внезапную головную боль, поймала такси и поехала домой.

Я как-то сразу поняла, что передо мной обыкновенный шарлатан, который входит в доверие к добрым людям и пользуется ими, и, естественно, продолжать знакомство дальше не собиралась.

А еще очень скоро я встретила мужчину, который полюбил меня, вот такую, какая я есть. И он совсем не похож на Карлсона, да и балбесом его не назовешь. Зато теперь я знаю, кто составляет тот самый 1 процент.

Он приходится на те семейные пары, в которых муж и жена не разделяются по умственным способностям, а живут как одно целое. У мужа неплохие мозги – вместе пользуются ими. У жены много оптимизма – она каждый день выдает порцию мужу.

И что самое интересное! Теперь, когда я молюсь вечером Богу и рассказываю ему о прожитом дне, я все чаще слышу: «Живут же люди!»

Так что жить без мозгов можно! Главное – это найти человека, который не заметит этого маленького и вполне симпатичного недостатка или просто закроет на него глаза. Хм... а может, это и не недостаток вовсе?..

Живут же люди...

День тринадцатый

Приехала Анька!!!

Боже мой, как же я ей рада!

Анька – это самое неповторимое существо в мире.

Я прилетела с одним небольшим чемоданчиком и маленькой сумочкой.

Анька прилетела с тремя чемоданами, ноутбуком, двумя сумками размером с мой небольшой чемодан, тремя пакетами, в которых были виски, духи и еще какая-то дребедень из «Дьюти фри». А в руках она держала большого плюшевого шарпея.

Не знаю, с кого Маршак писал свои стихи, но если бы они не были написаны, то их бы написала я: «Анька везла багаж: три пакета, чемодан, саквояж, корзину, картинку, картонку и плюшевую собачонку».

Я всегда поражаюсь: ну как с такими деньгами и не выглядеть настоящей леди?

Естественно, в аэропорту я ей это сразу и сказала:

– Ань, не быть тебе леди. Ни-ког-да!

Анька вздохнула и посмотрела на плюшевого шарпея.

– Ну, он ведь классный, правда?

– Да зачем он тебе?

– Он на меня так смотрел, – ответила Анька и скорчила жалостливую, грустную гримасу, изображая, как этот шарпей смотрел на нее с витрины.

– А виски? Три пакета. Бутылки тоже на тебя смотрели?

– Виски я купила для тебя.

– Для меня? – удивилась я и отобрала у нее шарпея. – Я никогда не пила виски. Тебя что, в самолете подменили и ты забыла вкусы единственной подруги?

– Ничего я не забыла. Только вкусы надо иногда развивать. Весь цивилизованный мир пьет виски. И мы тоже должны стать частью этого мира.

– Понятно. Видимо, в самолете ты сильно ударила головой.

– Прекрати иронизировать! – возмутилась Анька. – Ты даже спасибо мне не сказала. И приехала я тоже для тебя. Между прочим!

Вранье. Чистой воды враки. Никогда и ни за что нельзя заставить Аньку сделать то, чего она сама не хочет.

Кстати, я перечитала немало книг по психологии, чтоб научиться с ней правильно общаться.

Правильно – это значит не в ущерб себе. Или даже можно сказать, себе на пользу.

Я прекрасно знала, что она клюнет на домик с бассейном, за который не надо платить.

Анька была разочарована: я обещала ей трехэтажный особняк, а жить нам предстояло в обыкновенном, в один этаж, доме. Но я сказала, что если ей действительно понравится в Африке, то мы в любой момент снимем более дорогое жилье, и Анька быстро успокоилась.

Когда все чемоданы были распакованы и все вещи уложены в шкафы, я обняла плюшевого шарпея и сказала подруге:

– Я хочу замуж.

Анька пила кофе и чуть не поперхнулась.

– Прямо сейчас?

– У меня не было секса вот уже месяц, – объяснила я.

– А при чем тут муж?

– Я хочу нормального ежедневного секса, – еще раз попыталась объяснить я свою проблему.

– Нормальный ежедневный секс можно получать и не от мужа. Кстати, а почему бы нам с тобой не поехать в какой-нибудь паб или клуб и не познакомиться с этим... южноафриканским сексом? – предложила Анька и, похоже, сама от своей суперской идеи чуть не улетела в облака.

– А на чем мы поедем? – спустила я ее с небес на землю.

Здесь стоит объяснить, что ЮАР – очень специфическая страна: в ней нет общественного транспорта.

Тут есть небольшие маршрутные такси, на которых разъезжает все черное население. Вообще, это зрелище не для слабонервных. В обыкновенную маршрутку, как кильки в банке, набиваются по двенадцать-пятнадцать человек и в скрюченном положении добираются куда надо.

Белые люди в таком транспорте не ездят. Белые люди ездят на машинах. На своих. Слава богу, брат, узнав, что у Аньки есть права, согласился купить нам машину. Поэтому первым делом на завтра у нас была покупка машины. Но, видимо, Анька забыла, что мы пока не на колесах.

– Можно попросить Ингу, – предложила.

– Да, похоже, тебе совсем невтерпеж. Хорошо, звони. Честно говоря, мне она даже немного понравилась. Такая тихая, спокойная, уравновешенная особа. Может, ты ошибаешься и она совсем не стерва?

– Я когда-нибудь ошибалась?

Анька задумалась.

– Да так сразу и не вспомнишь...

– Нечего вспоминать. Я ошибалась много раз в жизни, но в людях – никогда.

– Ладно, не буду спорить. Звони Инге.

—
Не прошло и полчаса, как Инга была у нас.

– Девочки, только давайте договоримся сразу: я не осуждаю вас, вы не осуждаете меня. Что бы с нами ни произошло, все остается между нами. Ты, – обратившись ко мне, сказала Инга, – не рассказываешь Денису обо мне, я ничего не рассказываю о тебе. Если ты откроешь рот, то открою его и я, и уж поверь мне, я не только расскажу, а еще навру ему с три короба. И поверит он мне. Можешь в этом не сомневаться.

Анька подошла ко мне, похлопала по плечу и сказала:

– Да, Лорик, в людях ты разбираешься. Теперь я в этом уверена на все сто.

В машине Инга сказала:

– Значит так, девочки. Денису я сказала, что мы едем по магазинам, а потом пойдем в тихое место попить кофе. Говорю теперь и вам, чтоб вы были в курсе, где мы.

– А куда мы едем на самом деле?

– Ой, на самом деле мы едем в один потрясающий ночной клуб. Там такие мальчики!

Я чувствовала себя немного не в своей тарелке. Как будто пришла на дискотеку с мамой и родительница при мне начала заниматься любовью с каким-то сопляком. Да еще и заставляла меня наблюдать за этой сценой.

Но Инга была абсолютно спокойна и даже напевала себе под нос какую-то мелодию.

– Теперь так, – вдруг резко прервав свое пение, сказала она, – много не пейте, чтоб не терять контроль, и самое главное – к черным даже не приближайтесь.

– Почему? – спросила Анька.

– Потому что. Всё. Это закон такой. Помните игру такую: черно-белое не носить, да-нет не говорить. Так вот: с черными – нельзя. И точка.

Спорить мы с ней не стали.

Клуб находился в самом центре Йоханнесбурга.

Мы заплатили за вход, нам сразу выдали по стаканчику какой-то жидкости неопределенного цвета, и мы зашли внутрь здания.

Большой, просто огромный, высокий холл.

Дизайн был потрясающим. Большая часть клуба была разделена перегородками из глыб разнообразных форм на множество небольших открытых комнаток. Кое-где виднелись водопады и странные экзотические растения в кадках, а то и просто растущие будто из пола.

По всем стенам высотой примерно в три этажа лилась вода и собиралась в небольших фонтанчиках, которые находились у каждой «каменной» комнатки. В фонтанах плавали желтые и красные рыбки.

Так и хотелось попросить у персонала сачок, поймать одну и проверить, умеет ли она исполнять желания.

На первом этаже было много уютных диванчиков, на которые можно было приземлиться. А в самом центре находилась большая танцплощадка.

Лестницы, расположенные по всему периметру клуба, вели на второй этаж, где стояли диваны и журнальные столики.

Бар находился на первом этаже, рядом с танцплощадкой.

Официантки – все как на подбор восхитительно сложенные темнокожие девочки с красивой грудью – были одеты в незатейливые цветастые юбки из африканского шелка. Помимо юбок на них были бусы – много-много рядов разноцветных стекляшек – и браслеты на руках и ногах. И все! Нет. Еще у них были цветы в волосах. Все было яркое, но подобрано в тон.

Девушки стояли только при входе и всем раздавали напитки. В баре было около десяти барменов, которые работали очень быстро и утоляли жажду тусовщиков.

Напиток, который нам выдали, был сладким и терпким, но таким убойным, что минут через десять я почувствовала, как у меня начинают подкашиваться ноги.

Музыка была отвратительная. Бумц-трамбц, бумц-трамбц. Танцевать под нее было невозможно, можно было только попеременно дергать то правой, то левой коленкой.

Когда я осушила второй бокальчик и предложила где-нибудь присесть, Инга сказала:

– Никаких посиделок, мы сюда не за этим пришли. Значит так. Идем, выбираем себе мужчину и тусуемся с ним.

– А где выбираем? – спросила я.

– А где тусуемся? – спросила Анька.

– Выбираем вон там, – ответила Инга и показала в круг, где стоял народ и дрыгался. – А для тусовки есть разные места. Для начала, для знакомства, можно опуститься на какой-нибудь диванчик, так сказать, для аперитива, а если захочется чего-нибудь большего, вон там, – она показала на дверь за баром, – есть очень уютные кабинки. Они немного тесные, но на полу такой шикарный мягкий ковер, что можете не переживать. Вам понравится. Вот, возьмите презервативы и засуньте в лифчик.

Мы с Анькой сделали так, как она нам сказала.

– Да, девочки, и ровно в двенадцать встречаемся у машины. Сверим часы. Так, на моих девять часов тридцать семь минут. На ваших?

– Столько же, – ответила Анька.

– Ага, – кивнула я.

– Ну что, тогда по матрешкам? – спросила она.

Мы кивнули.

– Только держите себя в руках. Много не пейте, и чтоб ровно в двенадцать были у машины.

– Надеюсь, в двенадцать ноль один машина не превратится в тыкву? – спросила я у Аньки, когда Инга, уже дрыгая ногами под дзынь-бумс, пошла в самое сердце танцевального круга.

- Превратится. И машина в тыкву, и наша Инга в порядочную домохозяйку...
- Ладно, что будет – то будет. Пойдем.
- О, как тебя приперло-то, – услышала я от Аньки...

Попадать в ритм было ужасно трудно. Ноги почему-то разъезжались и немного подкашивались. Я попробовала качать бедрами, но это выглядело немного пошлово. Тогда я простовстала и на «трамбц» кивала головой, а на «бумц» делала щелчок пальцами правой руки.

Осмотреться и оценить танцующих было крайне тяжело, потому что народу вокруг было очень много. Очень скоро я почувствовала, что к моей заднице сорок восьмого размера кто-то прижался. Повернуть голову я не успела, потому что неизвестный нежно обнял меня сзади и поцеловал в шею. Оглядываться не было никаких сил, потому что мне стало настолько приятно, что я готова была сбросить при всех одежду, не стесняясь ни сорок восьмого размера, ни целлюлита, который к нему прилагался вот уже почти десяток лет. А незнакомец тем временем на «бумц» правой рукой гладил мою левую грудь, а на «трамбц» левой рукой через молнию джинсовой юбки пытался протиснуться туда, куда посторонним вход запрещен.

- Еще немного «бумца», пожалуйста, – сказала я ему на русском и закрыла глаза.
- У-у-у, – промычал он в ответ, но мое желание выполнил.
- А теперь два раза «трамбц», пожалуйста, – простонала я.

Но он резко взял меня за руку и куда-то повел.

По дороге я успела его рассмотреть.

Высокий... большие широкие плечи... черные как смоль глаза... белые зубы... белые ладони... черная гладкая кожа Боже, он же негр!

Через секунду мы оказались в небольшой кабинке, примерно два на два метра. Незнакомец прижал меня к стене. Одной рукой он ласкал мне грудь, второй залез в трусики и всем телом навалился на меня. Я почувствовала его твердый член, а когда он поцеловал меня в шею, вслух сказала:

- А Инга не только дрянь, а еще и расистка.

Что было потом, я плохо помню. Помню только, как он опустился на колени и задрал мою юбку. Помню его запах. Где-то давно я читала, что негры плохо пахнут. Ничего подобного. Мой негр пах мятой, малиной, лесом, смородиной... Его поцелуи были такими сладкими, а руки такими сильными...

Я даже не успела спросить, как его зовут, потому что, когда стала способна о чем-то думать, обнаружила себя на полу, на мягком, почти воздушном ковре, и посмотрела на часы. Было начало первого.

Прервав его на самом интересном и, может быть, кульминационном моменте, я шепнула «Фенькью», подобрала свои трусики, которые сиротливо валялись в углу, и выскользнула из кабинки.

Девочки стояли у машины.

Увидев меня, всю растрепанную, с трусиками в руке, они кинулись навстречу.

– Дорвалась, – сказала Анька, отобрала у меня мой трусик, как будто он принадлежал ей, и засунула в свою сумочку.

– Вау, – заправляя мне кофточку в юбку, произнесла Инга. – Ну а теперь быстро в машину. Все расскажешь по дороге.

Когда мы сели в машину, девочки хором спросили:

- Ну?
- Что ну? – невинно хлопая глазами, спросила я.
- Кто это был? Как его зовут? Чем он занимается? – спросила Инга.

– Откуда я знаю? Я что, интервью у него брала?
– А как он хоть выглядит? – спросила Анька.
– Классно. Такой большой...
– Что большой? Член? Поподробнее, поподробнее, – выпрашивала Инга.
– Все большое. И член, и руки, и плечи.
– И что, все эти два с небольшим часа вы занимались сексом? – спросила Инга.
– Ну да, а чем еще мы должны были заниматься?
– А поговорить? – включилась в беседу Анька.
Я пожала плечами.
– Охренеть, – выдала Инга и включила пятую передачу. – Два часа непрерывного секса?
Охренеть! В следующий раз познакомишь меня с ним.
– Он тебе не понравится, – предположила я.
– С чего это ты взяла?
– Потому что он негр.
Это я, конечно, сказала зря, потому что Инга так резко вывернула руль и дала по тормозам, что мы чуть не оказались в кювете.
– Ты что, совсем дура??? – закричала она на меня.
Анька поджала коленки от страха, что сейчас и ей достанется, и зажмурилась.
Инга была в бешенстве.
– Я же тебе сказала – белые с черными неспят!
– А я не расистка.
– Да при чем тут, расистка ты или нет. Ты приехала в эту страну и должна подчиняться ее законам. Ты знаешь, что каждый третий нигер болен СПИДом?
– Ты мне об этом не говорила, – ответила я и улыбнулась.
– Да чему ты улыбаешься, дура, ты понимаешь или нет, что, может, ты уже являешься носителем этой ужасной болезни?
Анька, сидевшая как мышка, одернула вниз юбку, как будто испугалась, что эта болезнь сейчас нападет на нее, и нервно сглотнула. Говорить она точно не могла и поэтому только смотрела на нас.
– Да не заразилась я. Чего ты орешь?
– Откуда ты знаешь? Презервативы иногда рвутся.
– Да не пользовались мы презервативами, – тихо сказала я.
Анька подняла глаза вверх и, наверное, начала мысленно молиться за мою пропавшую душу.
– Что? – закричала Инга. – Что ты сказала?
– Да не ори ты так. У нас не было секса как такового. Мы... – застеснялась я, – мы... мы занимались оральным.
Инга смотрела на меня, но ее взгляд был где-то очень далеко.
Анька тоже смотрела на меня и нервно моргала.
– Все два часа? – пришла в себя Инга.
Я кивнула.
– Охренеть, – ответила за нее Анька.
Инга завела машину, и мы поехали домой.

Красота + ум

Вот он стоит передо мной.

Его крошечные глаза смотрят на меня снизу вверх. Он немного улыбается, а я стою и не могу понять, что я сейчас делаю? Зачем он мне нужен? Он, такой малюсенький, пузатенький,

лысый и в очках. Это на фоне меня (высокой, длинноногой и красивой). Ну что ты на меня так смотришь? Ну ты хоть понимаешь, что мы вообще не смотримся вместе? Да то, что ты на голову меня ниже, это еще ерунда. Ты же вешишь ровно в три раза больше, чем я. Мы как Штепсель и Тарапунька с тобой. Что? Очки не проблема? Купишь себе контактные линзы? А живот? Похудеешь? А лысина? Вживишь волосы по новой технологии... Прочитал где-то... Может, еще и вырастешь на тридцать сантиметров?

Ну как же ты нас вместе представляешь? Красота (моя) + ум (твой)... Говоришь, неплохое сочетание?

Да это просто смешно...

Боже, что он говорит? Нет, он точно с ума сошел. Он предлагает мне стать его девушкой. Что это? Колечко... Мне? Хочет, чтоб мы были помолвлены. Боже, я такое только в сериалах видела. Что же делать? Колечко очень красивое. Жаль отказываться... А что, ради прикола соглашусь... Это ведь только помолвка, в загс он меня не ведет пока...

Да, пара мы, конечно, с ним оригинальная. Все вслед оборачиваются. Ну и пусть оборачиваются. Им всем просто завидно. Вон та девица смотрит на меня и даже не стесняется. Колье мое рассматривает. Да, много там карат, не переживай, не фальшивка. И платье мое от-кутю. Запах моих духов ей не нравится... Скривилась вся. Да, зависть – это страшная сила. Как и красота (моя).

Что это мой Винни Пух меня одну оставил? Где он сам? Кокетничает с другой. Ой, потеха. Такая же, как он: маленькая и толстенькая. Как они смешно вместе смотрятся. Подходят. Сусанна ее зовут. Держите меня, сейчас точно умру от хохота.

Так. Ну и что дальше? Ну купил мне море книжек. Сиди, говорит, и читай. Нечего по магазинам шастать целыми днями. Вот сижу и читаю. Эдуард Тополь. Сказал, что очень популярный писатель сейчас. Скучно. Не буду читать. Лучше телик посмотрю. Ну вот так всегда. В самый неподходящий момент он является. Опять сумки, полные еды. Я уже и так на восемь килограммов поправилась. А он, наоборот, похудел. В спортзал каждый день ходит. Бегает. Плавает. Я тоже там была. Скукотища. Нет, пусть он лучше сам туда ходит.

Ух ты, линзы поставил. Да, без очков ему намного лучше. Подтянулся-то как. Уже можно без омерзения смотреть на него. И с прической что-то сделал. Что? Волосы вживил? Очень неплохо. Какой же у меня симпатичный мужик получается. И все я. Своими руками смастерила. Просто мастерица я.

Ну вот, все опять смотрят только на нас. Опять эта Сусанна возле него крутится. И она тоже похудела до неузнаваемости... Что? Они, оказывается, вместе в спортклуб ходят? А, ну молодцы. Что это он так смотрит на нее? Смотри, звезда нашлась. Все возле нее крутятся. Тополя обсуждают. Надо было хоть пару страниц прочитать. А то стою как дура и ничего сказать не могу. Может, сказать, что мне не понравился Тополь? Нет, не буду. Все его хвалят.

Ну и где он? Час ночи уже. О, пришел.

Что? Что он говорит? Уходит? Почему? Я красивая дура? А кто не дура? Сусанна? Да, вкуса у него никогда не было... Ну, проваливай... За квартиру спасибо... и за колечки тоже. И за книги (всем врагам назло перечитаю). И за машину, и за все, что ты, гад, сделал для меня.

Ну и что я плачу? Все пройдет. Ведь я никогда его не любила. Что же я плачу? Все пройдет. Вот посмотришь, все пройдет...

Вот он стоит передо мной. Весь такой высокий и красивый.

Его огромные глаза смотрят на меня сверху вниз. Он немного улыбается, а я стою и не могу понять, что я сейчас делаю. Зачем я ему нужна? Он, такой высокий, красивый. А я толстая и умная. Ну что ты на меня так смотришь? Ну ты хоть понимаешь, что мы вообще не смотримся вместе? Ну как же ты нас вместе представляешь? Красота (твоя) + ум (мой)... Говоришь, неплохое сочетание?

Ведь это просто смешно...

День четырнадцатый

Спала я как убитая.

Просто как младенец, которого выкупали и накормили пред сном.

Утром позвонил Денис.

– Где вы вчера были?

– Ну, сначала мы по магазинам пошатались, а когда они закрылись, пошли в какое-то кафе...

– Какое? Название помнишь?

– Да откуда? Нет конечно.

– И что, полдня вы пили кофе?

– Почему полдня? Мы туда около девяти нагрянули. И не только кофе пили. Я ела рыбу, например. А что? В чем дело-то?

Говорила я без запинки. Потому что врать я умею. И когда вру, никогда не краснею. А вот когда правду говорю, иногда краснею. Но вранье почему-то всегда звучит убедительней.

– Просто нормальные, порядочные девушки не возвращаются домой в час ночи.

– А кто тебе сказал, что мы порядочные? – спросила я и сразу пожалела, потому что брат перешел на крик:

– Я не знаю, как ты со своей подругой, но моя жена – порядочная. И так поздно домой никогда не возвращается. Если еще раз такое повторится, я отправлю тебя домой первым же рейсом.

– Слушаюсь, мой генерал. Такое больше никогда не повторится, – пообещала я. – Мы едем машину покупать или нет?

– Едем. Через полчаса я буду у вас. Чтоб вы были одеты и чтоб я вас ни минуты не ждал. Поняла?

– Угу.

Что уж тут говорить.

С одной стороны, я понимаю Ингу. Жить с таким монстром очень тяжело, и ей действительно нужно иногда расслабиться, но с другой стороны: она, когда выходила замуж, видела, кто он? Видела. Так вот пусть сейчас сидит дома и не жалуется на судьбу. Сама выбирала.

Брат приехал за нами вместе с Ингой.

Всю дорогу он нас воспитывал, рассказывал, как должны вести себя приличные девушки и во сколько они должны возвращаться домой.

Я кивала, Анька говорила: «Конечно, я полностью с тобой согласна», а Инга гладила рычаг передач и смотрела в окно.

– Ладно, – наконец-то закончил свою проповедь Денис, – я думаю, эта беседа не пройдет даром и вы намотали на ус все, что я вам сказал. А теперь я хочу услышать от вас, какую бы машину вы хотели.

– Красную, – ответили мы с Анькой хором.

Денис вздохнул:

– Понятно.

Машину мы купили. Красную, естественно. По-моему, «рено», хотя Анька сказала «пежо».

Я к машинам отношусь очень спокойно. У меня их никогда не было. У Аньки тоже не было, но у нее есть права. Хотя водила она в своей жизни всего пару раз.

– Сейчас за руль сядет Инга. Мы поедem к нам, там я протестирую, как Анна водит машину, и только тогда позволю вам сесть за руль.

Я всегда поражалась, каким тоном он со всеми разговаривает и как его все слушаются. Просто безобразие какое-то!

Анька, которую подчинить практически невозможно, сидит и даже не возражает. Только кивает и смотрит в окно.

Я никогда ни на кого не имела влияния. И все со мной всегда обращались как с тубиком для чистки обуви: открывали и смотрели, какого я цвета, – в лучшем случае, а в худшем просто чистили мною ботинки.

Наверное, это действительно здорово – ощущать себя выше других, чувствовать свою силу и уважение к себе.

Может, мне действительно, как говорят родители, брать пример с брата? Может, хоть тогда моя жизнь изменится к лучшему.

Вот Анька.

Еще в детстве у нее проявились задатки лидера. Ей всегда очень нравилось командовать, она умела «заводить» толпу, выкрикивая разные лозунги в зависимости от обстоятельств: от «Давайте его побьем!» до «Я сказала, ты женишься на мне!»

В пять лет, заманив понравившегося мальчика на верхушку дерева, она потребовала: «Мы будем жениться. Целуй меня немедленно!» Пока жених оценивал, что легче: поцеловать и жениться или прыгнуть вниз и переломать ноги – Анька отдавала приказы «на землю»:

– Лариска, принеси мне фату (старую занавеску), она у бабушки в шкафу, а ты, Сережа, неси быстро дедушкину шляпу.

Жених оказался очень робким и, даже согласившись на женитьбу, целоваться отказался. Но Анька громко заявила, что она видела, как сначала целуются, а потом женятся, и, схватив перепуганного мальчонку за уши, притянула к себе и поцеловала под нескончаемые аплодисменты «на земле».

Анька всегда была красавицей.

Она всегда пользовалась успехом у мальчиков.

Они составляли список имен, через меня передавали ей, а мы потом вместе выбирали: с кем Анька будет дружить в этом месяце.

Она никогда не была гадким утенком, а я до сих пор нахожусь в стадии превращения, и до прекрасного лебедя мне еще как минимум целая жизнь. Я была самой высокой девушкой в классе, и к тому же очень худой. Отец называл меня велосипедом, а брат – суповым набором: кожа да кости. Однажды я решила ускорить стадию превращения лягушки в принцессу, кардинально изменив свою внешность, то есть подстричь волосы. За ужином, сообщив родителям, что моя длинная коса мне надоела, и услышав от отца «Никогда», я поняла, что мне придется идти другим путем. Накопив на стрижку деньги, я появилась на пороге родного дома с «Авророй» на голове. После этой выходки отец не разговаривал со мной почти месяц, а мать долго причитала: «Как же ты могла!»

Как же я могла? Да очень просто! Страна нуждалась в новом дыхании! Нужно было как-то разбудить Герцена. «Аврора» должна была сыграть свою роль в истории. «Аврора» должна была зацепить всех этих глупых мальчишек и открыть им глаза на меня. Но никто не зацепился.

Потом годы взяли свое, и из велосипеда я превратилась в мотоцикл с коляской.

Сейчас, как и всегда, я недовольна фигурой, своими мыслями, да и вообще всей своей неудавшейся жизнью.

Живу только для того, чтобы посмотреть, что ждет меня впереди.

Но вернемся к нашим баранам.

Анька, естественно, машину водить не умела. Как оказалось.

Денис опять стал читать нравоучения о том, что нельзя так легкомысленно относиться к жизни, и, посадив нас с Анькой в машину, начал урок вождения.

К вечеру он разрешил нам, вернее Аньке, порулить самостоятельно. Несколько раз мы проехали от его дома к нашему, медленно, со скоростью сорок километров в час, и только потом, перекрестившись, брат уехал домой. В ответ на просьбу Инги остаться и поболтать с девочками, то есть с нами, он только хмуро на нее посмотрел и шепнул:

– Быстро в машину.

А мне действительно очень захотелось, чтобы она осталась с нами. Не из-за того, что мне ее было жалко. Просто вчера мы так увлеклись обсуждением моих любовных походов, что совсем забыли поговорить о том, что было с Анькой и Ингой.

– Да, кстати, ты не рассказала мне, как вчера провела время, – спросила я у Аньки, когда машина Дениса исчезла за воротами.

– Никак, – пожала она плечами и направилась к дому.

– Что значит «никак». У тебя был с кем-то секс?

– Не было. Зато у меня «трамц-бумц» до сих пор в ушах стоит.

– Так что, ты только танцевала и все?

– Это можно назвать танцами?

– И ни с кем не познакомилась?

– Нет. И как я понимаю, то, что вчера произошло с тобой, знакомством тоже назвать нельзя.

Я пожала плечами:

– Зато мне классно было.

– Не сомневаюсь.

Когда мы зашли в дом, я вдруг заревела и сказала:

– Ань, мне так плохо.

Анька не на шутку испугалась:

– Как плохо? Что-то болит?

– Да.

– Что? Говори, что болит?

– Хвостик.

– Какой хвостик? О чем ты говоришь? Что с тобой?

– Мой хвостик. Мне тридцать с хвостиком. Вот он и болит.

Анька облегченно вздохнула.

– Там уже не хвостик, а целый хвост, – и, немного помолчав, добавила: – Дура ты, Лорик!

Я заревела еще громче.

– Вот и я об этом. Мне столько лет, а я дура, и у меня нет ни профессии, ни семьи – ничего, – вытирая слезы ладонью, причитала я.

– Фу, какая ты некрасивая, когда плачешь, – вдруг выдала Анька.

Я перестала реветь и посмотрела на нее.

– А что, можно плакать красиво?

– Конечно. Вот смотри.

Она взяла в руки платок, села за стол, и из ее глаз потекли, нет, просто посыпались, слезинки-горошины. Они так красиво падали, а Анька сидела ровно, выпрямив спину, смотрела куда-то вдаль и тихонько вытирала слезы красивым кружевным платочком.

– Ну, а ты чего плачешь? – спросила я.

– А почему мне не плакать? – вопросом на вопрос ответила она. – У меня, между прочим, тоже хвост имеется, и на семь месяцев больше, чем твой, а ни семьи, ни любимого у меня тоже нет.

– Слушай, а можно так научиться плакать? – вдруг спросила я.

Анька театрально захлопала ресницами.

– А что, красиво, да?

– Очень, – ответила я, – я просто потрясена, какая ты хорошенькая, когда плачешь!

Анька вздохнула.

– Я долго этому училась. Альберт помог. Он из меня столько сил высосал! Я каждый день редела! Так и научилась.

– Слушай, по-моему, я кое-что поняла.

– Что?

– Нам не подходят русские мужчины. Они все – козлы.

– Точно, – подтвердила Анька и вытерла последние слезы.

– Нам надо найти мужиков здесь.

– Нигеров?

– Ну почему сразу нигеров? Нормальных, белых, только тутошных. Они, мне кажется, совсем по-другому относятся к женщинам.

– Как по-другому?

– Они их боготворят.

– Кто тебе такое сказал?

– Никто. Я просто чувствую. Вот чую я, что здесь мы найдем себе мужчин.

Зазвонил телефон. Это была Инга.

– Девчонки, Денис уехал играть в гольф, приезжайте ко мне.

– Уже выехали!

Инга ждала нас. На столе в гостиной были разные вкусности: выпечка, конфеты, фрукты и бутылка шампанского.

– Я вам так рада, вы даже себе не представляете! – сказала она и усадила нас на диван.

– Инга, нам нужна твоя помощь, – сказала я и сделала самое серьезное выражение лица, на которое только была способна.

– Слушаю вас, – ответила Инга и, по-моему, немного испугалась.

– Нам с Анькой скоро тридцать пять лет, – начала я. – Ну, ты знаешь, да?

Инга слегка кивнула.

– Нам надо найти классных мужиков и выйти за них замуж.

– Я поняла, – спокойно ответила Инга. – Если надо – сделаем.

Мы с Анькой переглянулись.

– С чего начнем? – спросила Анька.

– С тебя начнем. А точнее, с твоего имиджа. Сейчас я принесу бумагу, ручку, и мы составим план.

Пока она ходила в кабинет за бумагой, мы с Анькой тупо смотрели друг на друга и часто моргали.

– Значит так, – начала Инга, – у тебя, – обратилась она к Аньке, – отличная внешность и шикарная фигура. Чуть-чуть подкрасить волосы, затушевать морщинки у глаз и рта, сходить к классному стилисту, чтоб он научил тебя правильно наносить макияж. Еще я бы посоветовала тебе полностью поменять гардероб. То, что ты носишь, оставь на то время, когда тебе будет за сорок... хм, нет, за пятьдесят. Я прекрасно понимаю, что у тебя имидж бизнес-леди, но поверь мне и моему опыту, мужчины боятся таких женщин. К тому же, у тебя и в голове что-то имеется, и для мужика два в одном слишком много. Надо что-то исключить. Или ты продолжаешь носить строгую одежду и строишь из себя дурочку, или ты покупаешь себе короткие, наивные платьица, заколочки «а-ля тупица» и остаешься такой интеллектуалкой, какая есть. Что ты выбираешь?

Анька задумалась.

– Наверное, все-таки второй вариант. Не смогу я сидеть, хлопать ресницами и рассказывать, что в году тринадцать месяцев и один из них называется медовый.

– Согласна. Мне тоже ужасно тяжело строить из себя дуру. – И взяв авторучку, Инга написала:

Аня

1. Рыжий цвет волос
2. Морщинки
3. Макияж
4. Новый гардероб

– Теперь ты, – обратилась она ко мне, – с тобой намного труднее.

– Почему это? – возразила я. – Я прекрасно смогу строить из себя дуру.

– Тебе это не нужно, – сказала она и написала на другом листочке:

Лариса

1. Похудеть на 20 кг
2. Косметолог
3. Каждый день учить по 5 умных слов

– А новый гардероб? – возмутилась я.

– Похудеешь на двадцать килограммов и экспроприируешь у Ани.

Мы с Анькой сидели и смотрели на свои листочки.

Инга ходила взад-вперед по комнате, как лектор, и говорила:

– И еще вы должны понять одну вещь. Нам, русским женщинам, подходят только русские мужчины. Ни с каким африканером вы не будете так счастливы, как с нашим Васей.

– Что? – спросила я.

– Лучше говорить не «что», а «возражаю». Тогда все подумают, что ты юрист, и начнут проникаться к тебе уважением.

– Я уже по уши в дерьме от этих русских мужчин. Я хочу только тутошного.

– Боже мой, какие манеры. Во-первых, Лара, слова «ту-тош-но-го», – повторила она по слогам, – нет в русском языке. Во-вторых, если тебе действительно хочется учиться на своих ошибках, а не использовать мой опыт – пожалуйста, действуй. Только время потеряешь.

– Ну хотя бы один раз, – включилась в нашу беседу Анька, – хотя бы просто для сравнения.

– Да бога ради. Организую я вам «ту-тош-но-го». Без проблем. Только вот как все это организовать, чтоб Денис на меня не злился?

Мы с Анькой молчали.

– Ладно, что-нибудь придумаем. В конце концов, с мужчинами можно знакомиться не только по вечерам, но и по утрам тоже. Теперь вернемся к вашему списку. Кому что не понятно? Аня?

– Мне все понятно. Когда приступим к моему образу?

– Давай завтра с утра. Поедем в салон. Там и визажист, и парикмахер для тебя, и косметолог для Лары есть, а потом можно по магазинам пройтись и закупить тебе кучу новых вещей.

– А со мной что? – спросила я.

– Список умных слов я тебе завтра выдам. Косметолог – тоже завтра. А вот худеть надо уже сегодня.

– Можно мне сейчас вот то пирожное съесть, а потом сразу взяться за похудение? – спросила я.

– А мужа ты хочешь? А детей иметь хочешь? – спросила Инга.

Я кивнула.

– Так вот, чтоб все это иметь, ты должна похудеть. И никто не должен стоять над твоей душой и говорить: «Лара, тебе не нужно есть этот пирожок, съешь лучше яблочко».

Я схватила со стола яблоко и начала его жевать.

– Вот видишь! Можешь, когда хочешь. Хотя, если быть до конца откровенной, я уверена, что у тебя ничего не получится. Ни-че-го, – произнесла она по слогам и уселась в кресло.

– Ах так! Аня, поехали домой.

Анька вздохнула и направилась к выходу.

– Чтобы завтра ровно в девять вы были у меня, – сказала Инга, когда мы садились в машину.

Всю дорогу мы с Анькой молчали.

Когда вернулись домой, я взяла свой ежедневник и закрылась в кабинете.

«Да что она себе вообще позволяет!» – ругалась я.

Потом села и красивым ровным почерком написала:

В жизни каждого человека наступает момент, когда он останавливается и говорит себе: «Хватит, я ТАК больше жить не могу и не буду! Я изменюсь! Я стану чище (думаю, вы понимаете, что тут дело не в бане) и светлей (и не в перекиси водорода).

Я уже слышу голос из прекрасного далёка.....

Хотя это не прекрасное далёко, это сумрачное настоящее, которое бьет меня по башке и говорит: «У тебя нет силы воли! Ты ничего в жизни не добьешься! Ты – неудачница!!!!»

– Ах, так! – восклицаю я. – Ну, тогда держись, далёко!

Я... я... да я... сейчас как сяду, да как напишу план действий, да как разобью тебя в пух и прах, да как...

А действительно, почему бы и нет?

Итак, сначала изложу главные задачи, которые мне надо выполнить в жизни.

Потом составлю план, как я буду достигать цели.

И каждый день я буду писать отчет: что сделала по тому или иному пунктику и насколько продвинулась вперед к прекрасному далёку.

Значит, волнует меня в жизни вот что:

1. Любовь (желательно взаимная).
2. Секс.
3. Фигура (моя).
4. Учеба и работа (хорошо бы, чтоб кто-то вложил в мой мозг некоторую сумму знаний, а также повысил меня в должности).
5. Творчество (мое).

Теперь ставлю для себя планку, то есть пишу план:

1. Выйти замуж за Владимира Машкова. (Программа минимум – переспать с ним.)
2. Хочу нормального человеческого секса. Да, хочу.
3. Похудеть на двадцать килограммов и весить ровно пятьдесят восемь.
4. Выучить французский и итальянский языки. А также устроиться в крутую компанию менеджером.
5. Написать гениальный рассказ, получить за него Букеровскую премию и стать заслуженным писателем.

Итак, именно с сегодняшнего дня я начинаю жить по-новому.

Нет, я не сажусь на диету, как я обычно делаю каждый месяц. Я начинаю жизнь с нового листа. Яменяю образ жизни, привычки.

Теперь надо придумать программу.

На всю жизнь!!! Самое главное – понять, что это программа не на две недели, как моя последняя неудавшаяся «японская» диета.

Самое главное – понять, записать, положить на одну из полочек в своем гнилом мозгу, а потом принять этот факт за действительность: **ЭТО НЕ ДИЕТА!!! ЭТО НА ВСЮ ЖИЗНЬ!!!**

Мда... Пока что это не укладывается в голове. Почему-то видится мне, что после нескольких сброшенных килограммов на горизонте появится кусок торта, и даже если я не позволю себе съесть его вечером, то утром уж точно ухмячу.

Надо обязательно написать манифест и читать его каждый раз, как мне захочется съесть что-нибудь вкусное, что совсем не позволительно в моей новой жизни:

«Я начинаю новую жизнь! Красивую, правильную, успешную! (Боже мой, я в это почти верю!!!) С каждым днем, начиная с сегодняшнего, я будупреображаться на глазах! (Не думаю, что это преобразование будет заметно изо дня в день, но... поживем – увидим.) Благодаря тому, что у меня есть и сила воли, и терпение, я не соблазнюсь вкусным шоколадным тортом (во что верится с огромным трудом), я с каждым днем буду превращаться в красивую, умную, стройную... блондинку...»

СТОП! При чем здесь блондинка? Да, я понимаю, что любая брюнетка мечтает стать натуральной блондинкой, но это, как ни крути, не в моих силах. По крайней мере, в этой жизни. Итак, что там у нас?

«...я с каждым днем превращаюсь в красивую, умную, стройную... женщину (вот это лучше). Все мужчины будут оборачиваться мне вслед...»

Мда!!! Какой кайф эта моя новая жизнь!!!

Но все-таки для статистики мои данные на сегодня: рост – 176 см, вес – 78 кг, мозгов – 2,5 г с плесенью, желания – мама мия, моих желаний хватит на десятерых.

Все, можно идти спокойно спать.

Утро вечера мудреней. Завтра с утра встану, посмотрю на все это трезвыми глазами и начну подниматься по ступенькам к чистому и светлому.

Так был положен первый кирпичик в основание новой жизни.

Спала я отвратительно.

Мне снилась Инга в пеньюаре и с указкой. Она кричала на меня: «Ты – дура, ты – дура, ты – непроходимая дура».

День пятнадцатый

Утром я встала рано.

Как была, в ночнушке, прыгнула в бассейн и долго плескалась. Пока не вышла Анька.

– Привет, – сказала она.

Я что-то буркнула в ответ.

– Я всю ночь не спала. Все думала. Все-таки Инга нехороший человек. Она... – Анька пыталась подобрать нужное слово, но получилось так, что мы хором сказали:

– СУКА!

Потом засмеялись, и Анька, тоже в ночнушке, прыгнула в бассейн.

– Так что, никуда не едем? – спросила она.

– Почему это? Обязательно поедem. У нее неплохие идеи. Я прекрасно знаю, что мне надо похудеть, и я похудею. К тому же мне очень хочется получить твой гардероб.

Анька засмеялась.

– Если тебе нужны шмотки, я с удовольствием пройду по магазинам и куплю тебе, – тут она задумалась, – один костюмчик.

– Договорились. Только сначала я все-таки похудею.

Еще я решила постоянно носить с собой ежедневник и записывать, что я ела целый день.

Вот что я имела к вечеру в ежедневнике:

7 утра – стакан воды.

8 утра – яблоко (залетело в мой желудок со скоростью немецкого истребителя).

10.30 утра – в салоне красоты нам принесли завтрак: два яйца и чай без сахара (тот, кто придумал пить чай без сахара, – садист).

Полет нормальный.

12.00 – стакан воды (как мертвому припарка этот стакан воды). Я жрать хочу! Что такое два вареных яйца для огромной толстой тетки?

12.30 – съела банан и мандарин.

Чувствую себя ужасно. Но начала гордиться собой.

14.00 – йогурт с чаем (без сахара).

Полет отвратительный, но гордилка на взлете.

16.00 – салат из овощей.

Почему я не родилась в семье дистрофиков???

Надо быстренько почитать манифест. А еще лучше распечатать и почитать в 17.00, 18.00, 19.00, 20.00 и 21.00.

21.00 – что-то мне очень фигово, хочется спеть «Интернационал».

А теперь про наши дальнейшие приключения.

У Инги мы были ровно в девять, как она и сказала, чтобы не дразнить злую собаку.

Салон находился неподалеку.

Оформлен он был в греческом стиле, наверное потому, что греческие женщины когда-то считались эталоном красоты. Вручную расписанные стены, на которых изображена Афродита с подружками, предметы интерьера из резного дерева, белая плетеная мебель... На полочках красовались разнокалиберные бутылочки с кремами, шампунями и всякой другой косметической радостью.

Зал был круглый и очень большой, а посередине располагались большие, просторные кабинки с матовыми стеклами: маникюрная, педикюрная, помещение для массажа, солярий,

салон тату, косметические кабинки и несколько парикмахерских комнат. В самом центре салона, за матовыми стеклами, был небольшой бассейн, окруженный искусственными пальмами, в котором бурлила вода.

Там Ингу все приветствовали, и было видно, что она частый гость.

– Значит так, как мы решили вчера, – сказала она и указала пальцем на меня, – тебе чистку лица и разные масочки. Да, Лара, на, почитай, выучи, что понравится. – И протянула мне тетрадку. – А тебе, – она обратилась к Аньке, – моднейшую стрижку, покраситься в рыжий цвет и навестить визажиста. Себе я сделаю, как обычно: маникюр, педикюр, ну и все остальное.

Мне ужасно захотелось узнать про все остальное, но ко мне подошел косметолог, и мы удалились в другую комнату.

Когда мне на лицо положили очищающую маску, я достала тетрадку, которую дала Инга, и прочитала:

Идиосинкразия – непереносимость. Вообще термин медицинский, но употреблять можно везде и всюду. Например: «У меня к дуракам идиосинкразия!»

Да, полезное слово. Теперь я знаю, что у меня к Инге.

Трансцендентальный – отвлеченный, абстрактный, академический, мысленный, умозрительный, умственный, теоретический.

Метафизический – примерно то же самое, что и трансцендентальный.. Термин хорош для ответа на вопрос, суть которого ты не поняла. Например, так:

– «Как вы относитесь к схоластике?»

– В метафизическом смысле?

Схоластика – средневековое философское течение.

Эзотерика – тайное учение.

Трюизм – общеизвестное мнение или высказывание. Типичный пример трюизма – «Волга впадает в Каспийское море».

И еще множество таких слов и их определения.

«Боже мой, какой бред», – почему-то сразу подумала я.

Какой нормальный человек будет изъясняться на таком языке?

Я убедилась, что Инга не просто дура, а полная дура, и закрыла тетрадку.

У косметолога я была впервые. Мне очень понравилось.

Потом, когда надо мной закончили колдовать, я перешла в зал, где Аньке делали суперприческу.

Часов в одиннадцать нам принесли завтрак: два яйца, бекон, два тоста с маслом, чай.

Я съела только два яйца и выпила кружку чая без сахара.

Все-таки новую жизнь начала!

К обеду Аньке наконец-то сделали новую стрижку и перекрасили в рыжий цвет, добавив темно-красных прядок.

– Слушай, Инга, а почему ты решила, что для Аньки рыжий цвет самый лучший? – спросила я.

– Может, он и не самый лучший, но, по крайней мере, редкий. Это у вас там, – сказала она с ударением на «там» и указала пальцем выше головы, – блондинки на вес золота, а у нас каждая первая блондинка. И причем натуральная.

– Значит, я тут буду в цене, – предположила я.

– Поживем-увидим, – ответила Инга и подула на ногти.

После салона мы поехали по магазинам покупать Аньке школьные платица и заколочки «я у мамы дурочка».

Анька очень долго капризничала, примерила, наверное, с сотню разных глупых юбочек и топиков и, в конце концов, купила всего одну рыженькую юбочку в горошек и черную маечку с открытыми плечами.

– Ну а сейчас давайте пообедаем в каком-нибудь ресторане, – предложила Инга. – Может, с кем-нибудь и познакомимся.

Выбранный нами ресторан назывался «Хабор», а что означает этот хабор, я, к сожалению, сказать не могу.

Потому что я в английском ни бум-бум. Мы с Анькой в школе немецкий учили.

Но перспектива познакомиться с мужчиной, который говорит только на английском, лично меня совершенно не пугала.

Мы усадились за стол, и к нам подошел официант.

Что заказала себе Инга, я не поняла. Она много раз повторяла слово «паста». Мне оставалось только надеяться, что она не предложит эту пасту нам.

Поэтому, когда официант посмотрел на меня, а потом на ручку с блокнотом, которые находилась у него в руках, я смело сказала:

– Салат энд кофе.

– ОК, сЭлад энд кофе. Вот абаут ю? – спросил он у Аньки.

Анька кивала и показывала пальцем на меня.

– Девочки, вы что, не знаете английского? – с ужасом в глазах спросила Инга.

– Почему не знаем? – возразила я. – Я очень хорошо знаю английский. Меня, видишь, официант понял. Я попросила салат и кофе, и он мне сейчас его принесет.

– Я тоже знаю, – сказала Анька, – йес, но, о'кей, плиз, бэби комон и ноу проблем.

– И все? – опять спросила Инга, и ее глаза округлились, став размером с пятирублевые монетки советского образца.

– Этого достаточно, поверь мне, – ответила Анька, посмотрела на официанта и опять показала пальцем на меня.

– Сэлад энд кофе? – решил он поиграть в угадайку.

– Йееееес, – громко сказала Анька, – и с оксфордским акцентом повторила: – Сэлад энд кофе, плиз. – И уже обращаясь к Инге: – Английский – очень простой язык!

Когда официант скрылся, Инга прикрылась салфеткой и шепотом спросила:

– И с таким английским вы собираетесь клеить местных мужиков?

– Чего ты шепчешь, – удивилась Анька, – тут же все равно по-русски никто не понимает.

– У любви свой язык, – решила соригинальничать я.

Инга взялась за голову.

– Нет никакого языка у любви! У вас ничего не получится, если вы в английском ни бельмеса.

– Как это не получится? Спорим? – сказала Анька и встала. – Вон там, видишь, сидят два мужика. Я сейчас пойду и как минимум проговорю с ними полчаса или до тех пор, пока нам не принесут еду.

– О чем ты с ними будешь говорить? Господи, я думала, что ты умней. – Инга театрально закрыла лицо руками, показывая, что она в полном шоке. – Мужчины не настолько глупы, как ты думаешь!

– Да, мы знаем! Они еще глупей, чем мы думаем, – вставила я свои пять копеек.

– Нет, дорогуша, ты ошибаешься. Для того чтобы понравиться мужчине, ты должна по крайней мере за полчаса общения хоть десять минут потратить на то, чтобы похвалить его, его маму, его одежду, его собаку...

– Так он ведь там без собаки сидит, – удивилась я и опять посмотрела в ту сторону, где сидели двое незнакомцев.

– У-у-у, – не выдержала Инга. – Идите, идите к ним. Я очень хочу посмотреть, что у вас получится.

Я резко встала, сказала «хык» и, взяв Аньку под руку, направилась к соседнему столику.

– Как будет «здрасьте» по-английски? – тихо спросила у меня Анька.

– Не помню, – так же тихо ответила я.

Когда мы подошли к столику, где сидели мужчины, Анька сделала лицо китайской фарфоровой куклы, подняла правую руку и помахала им. Я несколько раз кивнула и улыбнулась.

Мужчины ничего не понимали и только глупо улыбались.

– Туристо, – наконец вспомнила я английский.

– А-а-а, – обрадовался один из мужчин и, протянув мне руку, сказал: – Иво.

Второй тоже решил включиться в беседу:

– Алесандро.

– Лора, – ответила я, – а это Анна.

– О, Лора, Анна!

Они смотрели на нас и улыбались.

Но у меня почему-то было такое впечатление, как будто это не мы не понимаем по-английски, а они.

– Э-э... – попытался взять инициативу на себя Иво, но Алесандро его перебил и изрек:

– Che cosa?..

Мы с Анькой переглянулись.

– Чего? – спросила я. – Какая коза? Ты что-нибудь поняла?

Анька замотала головой:

– Мы русские. Ферштэйн?

В тот момент мужчины были похожи на небольшой вычислительный центр, который после нескольких алгебраических операций и обмена информацией запищал, задымился и выдал ошибку. Они опять посмотрели на нас и улыбнулись своей неповторимой наитупейшей улыбкой.

– Вод-ка. Прос-ти-тут-ки, – вдруг вспомнила Анька, чем славится наша родина.

– Руссо? – догадался Алесандро.

– Да, руссо, Путин, коммунизм, – обрадовалась Анька, что ее, наконец-то, поняли.

– Э-э... – опять что-то попытался сказать Иво, но этот гад Алесандро его опять перебил и громко сказал:

– Итальяно. – И слегка наклонил голову.

Я вздохнула, а Анька закатила глаза и сказала:

– Итальянцы, мать их!.. Бай-бай! – И, взяв меня за руку, повела к Инге.

– Ну как? Не получилось? – спросила Инга и хихикнула.

– Конечно не получилось. Они на английском совсем говорить не умеют, – возмущалась Анька.

– Они иностранцы, – добавила я.

– Да вы что? И откуда? – опять поинтересовалась Инга.

– Да итальянцы, блин.

– Шурик и Ваня, – уточнила я.

– Обожаю итальянцев, – сказала Инга и встала из-за стола. – Ждите меня здесь, никуда не уходите.

Она подошла к иностранцам, присела за их столик, они о чем-то болтали, что-то показывали на пальцах, смеялись. Потом она попросила официанта принести ее заказ за этот столик, затем начала что-то доставать из сумочки, и они смеялись, нет, они гоготали на весь ресторан.

Мы с Анькой ели свой салат, пили кофе и исподлобья следили за Ингой и ее новыми товарищами.

– Вот как это у нее получается? – спросила Анька.

– Это врожденное, – ответила я и вздохнула.

– Знаешь, мне кажется, если мы во всем будем ее слушаться, то через пару месяцев точно будем носить колечко на безымянном пальце.

– Я готова не только ее слушаться. Я готова быть ее рабыней, только чтоб в ближайшее время услышать марш Мендельсона.

– Я тоже, – ответила Анька.

Инга еще немного посидела с иностранцами, потом они обменялись телефонами, и подруга вернулась к нашему столику.

– Вы уже рассчитались?

– Нет, – промямлили мы.

Она попросила счет и так, совсем невзначай сказала:

– Заплатите только за себя. За меня уже заплачено, – она еще раз бросила взгляд на итальяшек и улыбнулась.

После ресторана мы поехали к Инге.

– Расскажи, что мы станем делать дальше, – попросила Анька.

– Значит так. Пока вы будете учить английский, я познакомлю вас с русскими мужчинами. Чтобы время зря не тратить.

– А где ты нас познакомишь?

– У нас есть русское сообщество. Раз в неделю мы встречаемся в одном клубе. Там только русские. Если не напиваться до усрачки, то это довольно скучная компания, а если прийти и тяпнуть пару стопочек водки, то все будут казаться милашками.

– А свободные мужики там есть?

– Есть. Целых три штуки! Одного зовут Геннадий. Раньше работал переводчиком, сейчас перебирает бумажки в каком-то офисе. Сразу говорю: даже не подходите. С виду очень приятный и симпатичный, на самом деле тоже вполне безобидный, но НИ-КА-КОЙ, – произнесла она по слогам.

– В каком смысле? Импотент? – спросила я.

– Почему сразу импотент? Нет, с этим у него все о'кей. Просто он балбес. Ничего не имеет и не хочет иметь в жизни. Или ждет, что все это упадет с неба. А такого не бывает.

– Понятно, – кивнула Анька, – давай дальше.

– Второй – Сергей. Ну что я могу о нем сказать? Умный он. Очень. И дом имеет, и тачка классная. И работа супер. За таким не пропадешь. Но у него есть один маленький недостаток.

– Наверное, он гей. Потому что у нормального человека не может быть столько положительных качеств, – предположила я.

– Нет, никакой он не гей. Он – еврей. Вы антисемитки?

– Нет, – ответили мы с Анькой хором.

– Ну и отлично. Он вообще-то не обрезанный, насколько я знаю.

– Ты с ним спала? – спросила я.

– Нет, конечно, бог с тобой. Запомните одно правило: нельзя спастись с мужиком, который знаком с твоим мужем.

– Нам еще до этого правила ехать и ехать, – вздохнула Анька.

– Да, это точно, – согласилась Инга. – Итак, на чем мы там остановились... да, Сергей.

– А почему это недостаток? – не поняла Анька.

– Потому что. Вот скажи мне, кто жена у бегемота?

Анька задумалась.

– Бегемотиха, наверное.

– Правильно, а крокодил кого себе выберет?

– Крокодилиху.

– Правильно. А еврей женится только на еврейке. Понятно?

– Так мы не еврейки с Анькой, – тихо сказала я и скосила глаза на свой нос, – хотя нос у меня жидовский!

– Твой нос тебе не поможет.

– Понятно, этот экземпляр нам не по зубам. И что, нет совсем никаких шансов?

– Ну почему нет? История знает несколько случаев спаривания еврея и не еврейки. Шанс всегда есть. Правда, мизерный.

– Ладно, третий кто? – спросила Анька.

– Третий – Альберт.

– О, нет. Только не Альберт, – простонала Анька.

– В чем дело? Вы знакомы? – удивилась Инга.

– У Аньки аллергия на Альбертов, – объяснила я. – Нельзя ли этого Альберта сразу задушить?

– Зачем? Он самый классный. Спокойный, уравновешенный, обеспеченный. И работа у него отличная: он почти всегда в командировках.

– Чем же это так здорово? – спросила я.

– Вот выйдешь замуж – поймешь, – ответила Инга. – Он, между прочим, доктор наук. И как раз в таком возрасте, что готов жениться хоть завтра. Время поджидает. Он постоянно ищет кого-то. Хочет иметь детей. Но он...

– Гей? – опять попыталась угадать я.

– Нет, – уже крикнула Инга. – Не гей он. Что у тебя за манечка такая?

– Она просто мечтает иметь друга-гея, – объяснила Анька.

– Зачем тебе это?

– Да что ты слушаешь ее! – обиделась я.

На самом деле это была правда.

Я всегда мечтала иметь друга-гея, чтобы он жил со своим бойфрендом по соседству. Утром он бы заезжал ко мне на своей машине, обязательно подправлял мне прическу и ругал, если бы я была без макияжа.

Потом мы бы мчались на его «BMW-Z3» за покупками. По дороге болтали бы о всякой чепухе, сигналили проезжающим машинам и во всю глотку распевали песни Элтона Джона и Принца.

Он бы мне говорил: «Выглядишь сегодня чудесно», я бы, не смущаясь, отвечала: «Спасибо». Или: «Что-то мне сегодня, подружка, не нравится, как ты выглядишь. Давай я тебе помассирую плечи» – и делал бы мне легкий массаж...

Он бы слушал со мной Колю Баскова. Он бы не курил в моем присутствии, а когда я просила бы его помочь мне приготовить ужин, он бы говорил: «Ну конечно, сядь, отдохни, я все сделаю сам», бежал на кухню и жарил рыбку в божественном соусе. Я совсем не против, чтоб он был итальянцем. Тогда бы мы с ним часами упражнялись в итальянском, он бы пел мне голосом Тото Кутуньо «Donna, donna mia» и вместо рыбы готовил спагетти с сыром.

- Все это враки! Так что там с ним не так? – я попыталась сменить тему.
- Он – еврей! – решила угадать Анька.
- И не еврей, и не гей. Он нормальный мужик, только он... большой ребенок. Рассеянный с улицы Бассейной. Про него столько анекдотов ходит! – ответила Инга и закатила глаза.
- Расскажи хоть один, – попросила я.
- Один раз он проверял уровень масла в своей старенькой машинке и забыл закрыть капот. Так и поехал на работу.
- Ну и что тут такого? – удивилась Анька. – Я даже не знаю, где этот капот открывается и закрывается.
- Нет, ты не поняла. Он его полностью открыл, понимаешь? Поднял к лобовому стеклу и так и поехал.
- Как же он дорогу видел?
- Он смотрел в щель между капотом и корпусом и только минут через пять понял, что ему не очень удобно ехать. Остановился, вышел из машины и лишь тогда увидел, что капот открыт.
- Ну, это не смертельно, – вынесла свой приговор Анька.
- А если бы тебе пришлось выбирать, кого из этих троих ты бы выбрала? – спросила я у Инги.
- Альберта, конечно.
- Из-за командировок? – поинтересовалась выбором я.
- В большей части да.
- Все понятно. И когда мы их увидим?
- Послезавтра. В понедельник.

Вечером мы с Анькой сидели, опустив ноги в бассейн, и болтали о кандидатах.

- Значит так, – сказала Анька, – давай сразу договоримся, что к Альберту я даже не подхожу. Вообще. Потому что я точно знаю, что если я подойду, меня сразу на него стошнит.
- Ага, и притянет, как к магниту.
- Тоже вполне вероятно.
- А может, это твоя судьба?
- Что «это»?
- Имя Альберт. Скажу честно, меня от самого имени уже коробит.
- Ладно, тебе и от Эдуарда было плохо. Целых три года.
- И два месяца...
- Все, хватит хандрить. У нас послезавтра очень ответственный день. Пойду поработаю немного. Я за роман уже неделю не садилась. Может, хоть что-нибудь напишу... Вдруг меня посетит вдохновение?

Мы разошлись по своим комнатам.

Я подумала, что надо бы позвонить родителям, рассказать, что я неплохо устроилась, что у меня очень хороший и заботливый брат (кто бы сомневался); но потом решила отложить этот звонок до завтра, потому что если мама начнет говорить, она не остановится до утра.

Я очень люблю свою маму, но она часами может рассказывать по телефону о том, как соседка тетя Люся подвернула ногу, к ней приехала «скорая помощь», и медсестра, которая делала перевязку, рассказала, какие пряники она умеет печь, и дала ей шикарнейший рецепт. Я давно привыкла, что у нас в семье очень развит культ еды. И живут мои родители от праздника до праздника, вернее, от одного праздничного стола до другого. День космонавтики, День энергетика, Первомай и День седьмого ноября автоматически считаются праздничными, не

говоря уже про Новый год, Рождество, дни рождения всех наших родственников. Сейчас еще прибавились День всех влюбленных и День матери.

Накануне каждого мероприятия, недели за три, всегда составляется список блюд, который занимает как минимум две страницы. Это все обсуждается по телефону с сестрой мамы, с женой папиного брата, естественно, с соседкой тетей Люсей и со всеми мамиными сотрудниками. Потом этот список дорабатывается, к нему прибавляется еще как минимум страница мелким убористым почерком, а то, не дай бог, получится, что «за столом нечего было есть».

После этих воспоминаний очень захотелось кушать, но я взяла себя в руки и удержалась от похода на кухню.

Паль Чики оближешь!

Я – повар.

Не простой повар, который стоит на кухне и, читая поваренную книгу, варит борщ, а самый настоящий, с большой буквы. Я готовлю не просто вкусно. Я – мастер своего дела!

Своего мужа я поймала на простой украинский борщ.

Трех порций было достаточно: очень скоро он уже стоял за моей дверью с букетом роз, свадебным колечком и вопросом «Что сегодня на обед?».

Наша семейная жизнь текла, как кисель: не спеша, гладко, не булькая. Утром я кормила его пирожками с капустой; чтобы он пообедал на работе, давала ему с собой суп в литровой банке; а на ужин он ел гуляш из говядины.

Первый раз я почуяла что-то неладное, когда он оставил свой обед дома. Литровая банка с грибным супом сиротливо стояла на столе. Я позвонила мужу на работу и в трубке услышала: «Лапушка, я стал такой рассеянный! Да, я забыл свой обед на столе». На вопрос «Что же ты ел?» он ответил, что перекусил в столовке.

То же самое повторилось через неделю. Он опять нашел какое-то глупое оправдание, но когда я третий раз увидела на столе литровую банку с его любимым гороховым супом, я поняла, что надо принимать экстренные меры.

Не медля ни минуты, я надела свой самый красивый фартук и поехала к нему на работу.

Он сидел за столом, напротив него сидела какая-то костлявая копченая селедка, видимо секретарша. На столе, как на разделочной доске, сверкали улики: два бокала, вино и конфеты. На глаз, как опытный повар, я сразу прикинула, что их отношения еще не шагнули далеко в лес, а находятся только на опушке. Может, побаиваются охотников, а может, просто растягивают удовольствие. Второй вариант был хуже, чем первый, но тоже не смертельный.

Как только я вошла в кабинет, селедка схватила какую-то папку со стола и со словами «Андрей Михайлович, эту смету мы обсудим с вами позже» направилась к выходу. На ее пути появилась моя широкая грудь. Секретарша попробовала махнуть хвостом сначала влево, потом вправо, но когда я произнесла «Стоять!», она опустила голову и из рыбьих глаз полились слезы.

Взяв ее за кофточку двумя пальцами, как грязную тряпку из раковины с немытой посудой, я подвела ее к мужу.

Муж, как хамелеон, на глазах менял окраску. Сначала он побледнел, как сыворотка для оладий, потом его кинуло в жар, и он стал красный, как свекольник, потом позеленел, как рассольник, и нервно сглотнул.

– Что, гурманище, не наелся еще? – спросила я.

Он попытался что-то сказать, но, кроме «Женечка», «лапушка» и «а мы тут проект готовим», я ничего не поняла.

– Тебе захотелось новой соляночки попробовать? Пробуй! Лимончика только не забудь добавить, а то рожа у тебя слишком счастливая. И давай сделаем так. Я даю тебе месяц. Распробуй ее, добавь соли и перчика по вкусу. Я тебя не тороплю. Но если, когда я вернусь через

месяц, ты все еще будешь увлечен этой селедкой, – тут я ткнула девице в живот указательным пальцем, сделала страшную гримасу и подняла руки над головой, – пеняй на себя! Пеняй на себя, Андрюша!!! – я помахала перед его носом кулаком и пошла к выходу. Потом опять обернулась и добавила: – И чтоб к моему приезду она здесь не работала!

Закрыв за собой дверь, я услышала, как он крикнул:

– Вера, вы уволены, пишите заявление сейчас же!

Чемодан я собрала за десять минут. Деньги, которые мы копили на поездку в Америку, я положила в свой кошелек. «Ты свое уже отгондурасил, Андрюша», – написала я на разделочной доске и поехала в аэропорт.

Отдохнула я на славу. Загорела, похудела на пять кило!

Но самое главное!

Если бы вы знали, какую солянку готовят на Кипре!

Пальчики оближешь!

День шестнадцатый

Утро было солнечным. Здесь всегда солнечно. Ни тебе облачков, ни тебе хмурой и ненастной погоды.

Даже дождь проходит очень быстро. Сверкнет несколько молний, погремит гром – иопять ясно.

Еще я всю жизнь мечтала стать или великой художницей, или писательницей, или актрисой, или еще черт знает чем.

И если уже пошла речь о мечтах, то скажу, что еще я очень мечтаю похудеть.

Жила-была на свете девочка. Тридцатник ей стукнул энное количество лет назад, а до сороковника она еще не добралась, так как шла очень маленькими шажочками, постоянно натываясь на буераки и буереки.

До восемнадцати лет она была писаной красавицей. О ней поэт Пастернак писал: «А ты прекрасна без извилин». С годами она совсем не изменилась. То есть извилин не прибавилось. А красота... ах, ну разве спрячешь красоту годами!

Потом наша девочка жрала, жрала и нажрала себе двадцать лишних килограммов. Однажды она шла, шла и вдруг увидела зеркало!

То, что она там увидела, повергло ее в шок, и в ней поселилась мечта: похудеть.

Каждое утро мечта просыпалась на секунду раньше, чем девочка, стояла над ней, как привидение, и с жалостью смотрела на нее.

Девочка просыпалась, смотрела на себя в зеркало и говорила: «Похудеть бы, блин» и начинала свою мечту лелеять. Умывала ее, чистила ей зубки, заплетала косички (волосы у нее, хочу вам заметить, были очень длинные, потому как мечта очень быстро старела, наверное, от жизни мечтателей) и говорила ей: «Мы справимся, старушка, мы обязательно справимся».

Девочка отправлялась с ней под ручку на кухню, доставала из шкафа овсянку, заваривала ее на воде и говорила: «Ах, какая вкуснятина!!!»

Потом она ехала туда, где люди повсюду разворачивали бутерброды и пахли протухшей колбасой. Вот тогда наступал момент, когда наша девочка хотела придушить свою мечту. Но на людях она это делать не могла. Поэтому она приезжала домой, вытаскивала из холодильника маленький гробик, размером со спичечный коробок, и запихивала туда свою мечту, одновременно отрезавсебе кусок торта и подпевая Кузьмину: «Моя мечта, неожиданная печаль, путь несказанных грез! И все, о чем так долго я мечтала, – нечаянно сбылось».

И так было каждый день.

ПОТОМУ ЧТО у человека должна быть мечта. И даже если она каждый день умирает, то это только для того, чтоб утром возродиться вновь!

* * *

Сегодня мы никуда не идем. Инга занята. Сидеть дома очень тяжело. Постоянно хочется пойти на кухню и закинуть в себя что-то вкусненькое. Вроде кусочка тортика.

Торт я купила в день Анькиного прилета. Со сливками. Предполагалось, что я и буду его есть, но так как я начала новую жизнь и торты не ем, то каждый раз, когда я открываю холодильник и оттуда на меня смотрит шоколадный красавец с белой прослойкой, я начинаю нервно сглатывать слюни.

Ну как можно не любить торты? Как? Это же просто ненормально так плохо относиться к выпечке.

Я пошла к Аньке и сказала, что не переживу, если торт скончается в холодильнике, на что она мне ответила:

– Ну и пусть он там протухнет. Я все равно его есть не буду.

– То есть как это «не буду»? Я не могу ТАК.

– Как ТАК?

– Ну, чтоб торт испортился. У меня такого никогда не было. Если ты не съешь его, мне придется. А я дала слово. Я худею.

– Раз дала – так и держи его. Я-то тут при чем?

– При том, что торт портится.

– Ну и пусть себе портится. Почему я должна его есть?

– Потому что ты мне подруга.

– Ой, какая же ты противная. Ну хорошо, пошли, я съем.

Мы пошли на кухню, я достала из холодильника коробку с тортом, отрезала Аньке большой кусок, поместила на тарелочку с голубой каемочкой и поставила на стол.

– А чай? Я не могу без чая, – капризничала Анька.

Пришлось ставить чайник и заваривать чай.

– На вот, зеленый, как ты любишь.

Анька взяла в руку ложечку и стала ковырять торт.

– Ань, ТАК с тортом обращаться нельзя.

– Как «ТАК»?

– Нельзя в нем ковыряться. Торт создан для того, чтобы им наслаждаться.

Анька посмотрела на меня с явным непониманием, отковыряла большой кусок и положила в рот.

Надо было видеть, как она его жевала! Это была просто пытка. И для меня, и для нее.

– Все, хватит, наелась, – сказала я и отобрала у нее тарелку.

– Просто возьми и выкинь его.

– Ага, щас!!!

Зазвонил мой телефон. Это была Инга.

– Откройте мне ворота. У вас что, интерлок поломался? – спросила она.

Я нажала на кнопочку на дистанционном пульте, который открывает ворота, и сказала Аньке:

– У нас интерлок не работает!

– Кто у нас не работает?

– Интерлок.

– А кто это?

– Не знаю. Инга сказала, что он поломался.

– А! – выдала Анька. – А я-то думаю, что это мне так плохо? Оказывается, у нас с интерлоком не все в порядке.

В дом зашла Инга и стала нажимать кнопочки на пульте открывания ворот.

– Что ты делаешь?

– Надо вызвать мастера починить интерлок.

– Так это и есть наш интерлок? – спросила Анька, подошла к прибору ближе и поцеловала его экранчик.

– Что это с ней? – спросила Инга.

– Расстроена. Из-за интерлока.

– Да ладно вам. Я вызову мастера, и он его починит за пять минут. Чем вы вообще сегодня занимались?

– Мы ели торт, – сказала Анька.

– И Лора ела? – в гневе спросила Инга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.